

С. 2 «Нет более важного вопроса сегодня, чем мир на Украинской земле»

Предстоятель Русской православной церкви призвал усилить церковные и личные молитвы за Украину – такие прошения православные христиане России возносят с лета 2014 года на каждой литургии

С. 4 Эвакуация

Перед 70-летием Победы мы продолжаем публикацию свидетельств и воспоминаний участников событий военных лет. В прошлом номере мы рассказывали о ленинградской блокаде, в этом – об эвакуации, в ближайших номерах мы надеемся опубликовать воспоминания фронтовиков

С. 5 «Еще от Достоевского мы услышали впервые грозное слово: "русская церковь в параличе"»

Эти слова из записки председателя Комитета министров говорят о том, с какой тревогой размышляли о судьбе России те, кто уже в 1905 году услышал эхо надвигающейся катастрофы

Приложение «Регионы»

Материалы этого номера «Регионов» собраны двумя православными братствами. Одно из них носит имя святителя Тихона Задонского (XVIII в.), учителя подлинной христианской любви и евангельской жизни, второе – имя преподобного Силуана Афонского, одного из величайших святых XX века

Тема номера

Православные братства в истории и современности

Как возродить не только форму, но и дух братской жизни

Фрагменты доклада Владимира Лавренова, председателя малого православного Мариинского братства: «Идея братства и примеры её воплощения в Русской православной церкви с древнейших времён до наших дней»

В этом году доклад (ранее прозвучавший в 2014 году на Паисьевских чтениях) был прочитан на Сретенском соборе – ежегодной встрече членов общин, входящих в Преображенское братство

В Священном писании существует немало мест, где братьями называются духовно близкие люди, отношения которых друг с другом исполнены любви и даже нежности. «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью...», – говорит апостол Павел в послании к Римлянам. Ему вторит апостол Пётр: «в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь». Наконец, вершиной своеобразного братского исповедания являются слова апостола Петра: «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите». Именование друг друга братьями свидетельствовало об особой «семейной атмосфере» первых христианских собраний. Общность жизни и даже имущества делали такие собрания общинной, семьёй по духу.

Считается, что первыми разрешёнными римской властью братствами были

похоронные объединения христиан, ибо только официальные структуры в системе римской государственности могли обладать хоть какой-то собственностью, находившейся под защитой закона. Вся «собственность» неформальных структур в период гонений подвергалась разграблению и конфискации. Поэтому первые братства сочетали в себе свойства общины с удивительной атмосферой дружбы, равенства, любви – и юридического лица, способного говорить на языке римской бюрократии.

Своеобразное «оскудение» идеи братства в мирянской среде и передача её в руки монашества (неслучайно единство понятий «братство» и «община» зафиксировано в IV веке Василием Великим, основоположником монашеского общинного опыта: «...братская община есть гимнасий, где упражняются атлеты... непре-

станная тренировка, упорство в заповедях Божиих») было связано со многими причинами, проявившимися в том числе и в изменении отношения к Евхаристии. Один из выдающихся современных богословов профессор Оливье Клеман считал, что установившаяся в VI–VII вв. практика редкого причащения (от одного до трёх раз в году) была вызвана не только войнами, но и почти полным исчезновением образованных мирян. Литургия в ту эпоху превратилась в сакральное зрелище, разыгрываемое перед «невежественным» народом клириками, которые практически оставили причастие только для себя. Отныне в ней возобладал уже не общинный, а индивидуальный подход. Поэтому и развитие религиозного начала в братствах уступило другим – благотворительным, социальным и профессиональным.

Окончание на с. 6

В то время в России почти никто не знал труды о. Николая Афанасьева

Мы продолжаем публиковать материалы к 25-летию Преображенского братства

Сегодня это воспоминания о прошедших в четвёртый год жизни братства Афанасьевских чтениях. Обращаться к событиям двадцатидвухлетней давности сложно. Некоторые из участников Чтений не смогли вспомнить ничего, кроме общего ощущения содержательности докладов и того, что конференция проходила во время кровавых событий октября 1993 года. Тем не менее несколько человек поделились с нами своими воспоминаниями (см. с. 7–8)

Из прозвучавшего на Чтениях доклада протопресвитера Виталия Борового

В трудах о. Николая можно много найти канонических обоснований служения мирян в Церкви. Потому что основа Церкви – не Патриарх и пресвитеры, все вместе взятые, а вы, миряне. И это нужно иметь в виду при обсуждении создавшегося критического положения в жизни церкви, при обсуждении современных наших условий. Конечно, раньше это надо было делать... Когда начинается паралич власти, где бы то ни было – в обществе, государстве, в Церкви, до добра это никогда не доводит. Потом приводит к борьбе, а потом – поздно: или надо задавить кого-то, и ты будешь виновен, что ты задавил, а не задавил – так задавят тебя. Поэтому в этом отношении служение мирян в Церкви – для нас острый вопрос. Я не напрасно говорю «служение». Отец Николай правильно обосновал служение мирян, ссылаясь на древнюю Церковь. Это ведь было настоящее служение – участие в священнослужении, участие в управлении, участие в учительстве, не в ущерб священным полномочиям епископов, а наоборот, в полной гармонии с ними.

...А впереди у нас – организация христианской молодёжи. Союз братств уже есть, а ещё будет «союз» сестричеств, и другие ещё будут. Будут!

Доклад протопресв. Виталия Борового

Окончание на с. 7

Длительная катехизация: что препятствует ей сегодня

11 –13 мая состоится ежегодная международная научно-богословская конференция Свято-Филаретовского института (СФИ). Она подведёт итог предыдущим пяти конференциям серии «Традиция святоотеческой катехизации», которые институт проводит с 2010 года. В этот раз организаторы конференции планируют сделать акцент на применении принципов святоотеческой катехизации в современных церковных условиях и обсудить следующие основные вопросы:

- что мешает начать катехизацию;
- если катехизация уже ведётся, что мешает её проводить;
- как превратить приход в союзника катехизации;
- откуда берутся катехизаторы;
- откуда берутся оглашаемые;
- куда конкретно воцерковлять людей;
- как провести катехизацию за одну встречу;
- как готовить оглашаемых к крещению и/или воцерковлению.

Как и в предыдущие годы, «Кифа» планирует в нескольких номерах предварить обсуждение на конференции серией материалов. Сегодня мы публикуем фрагменты ответов священнослужителей и мирян разных епархий Русской православной церкви на вопрос, какими они видят основные проблемы, возникающие при начале длительной катехизации. Опрос проводился в десяти епархиях.

Отсутствие общепризнанной системы длительной катехизации

«Часто в епархиях при распоряжении о катехизации отсутствует элементарная программа длительного оглашения, нет системы. У большинства священников не возникает вопросов, как оглашают, по каким материалам. Основные вопросы только самые общие: как долго? что делаете? Евангелие читаете?»

«Нет доверия епархиального руководства к оглашительному опыту Преображенского содружества, а своей системы, проверенной жизнью, нет, она отсутствует. Нет методик, нет специальной литературы, нет понимания смысла процесса. Как-то было предложение на одном из семинаров епархии создавать центры, где могли бы проводиться двух-трёхмесячные курсы воцерковления людей с приходов, но как-то до воплощения эта идея не дошла».

Отсутствие подготовленных катехизаторов

«Те люди, которые впоследствии будут оглашать (выпускники катехизаторских курсов), сами порой не оглашены». «Мы сами не знаем, как жить в церкви, опыта не было». «Я не думаю, что в нашей епархии есть уже катехизаторы из мирян, которые всерьёз могли бы вести длительную катехизацию, потому что те катехизические курсы, которые действуют в епархии, всё-таки более способствуют воцерковлению самого человека, чем научению его тому, как эту традицию передавать. А какого-нибудь ещё учебного заведения, которое всерьёз готовило бы катехизаторов мирян, нет. Если же говорить о священниках, то для них в епархии пока тоже нет специального образования, которое позволяло бы осуществлять именно катехизическую деятельность».

Окончание на с. 8

Украина

«Нет более важного вопроса сегодня, чем мир на Украинской земле»

В Прощёное воскресенье во всех православных храмах России верующие собирали средства в помощь жителям Донбасса и вынужденным переселенцам. Русская православная церковь продолжает оказывать и адресную помощь самым нуждающимся беженцам: инвалидам, тяжелобольным, одиноким и пожилым людям, многодетным семьям. Благословляя в этот день паству на подвиг Великого поста и традиционно призывая к взаимному прощению обид, Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл, подавая всем пример, сказал: «Сердечно у всех вас испрашиваю прощения за то, что, может быть, я не успел сделать или не смог сделать; может быть, кого-то не услышал, кому-то не ответил, кого-то, может быть, соблазнил словами или делами своими. У всех вас искренне прошу прощения». В этот же день предстоятель Русской церкви обратился к местоблюстителю Киевской митрополичьей кафедры митрополиту Черновицкому и Буковинскому Онуфрию, архипастырям, пастырям и всем верным чадам Украинской православной церкви в связи с ситуацией на Украине.

«Со скорбью, тревогой и болью взираю я на то, что сейчас происходит на Украине.

Политические распри приводят к конфронтации и разделениям среди людей, в том числе и связанных общей верой. Под угрозой – существование Украины как единого государства. Эти события стали результатом внутреннего политического кризиса, неспособности различных общественно-политических сил договориться о ненасильственном решении существующих в обществе проблем.

Чадами нашей Церкви являются люди разных политических взглядов и убеждений, в том числе те, кто сегодня стоят по разные стороны баррикад. Церковь не занимает ту или иную сторону в политической борьбе. Но долг Церкви – печаловаться о тех, кто подвергается насилию, кто нуждается в защите, чья жизнь в опасности.

Отвечая на Ваше обращение, дорогой Владыка, завещаю Вас и нашу украинскую паству в том, что сделаю всё возможное, чтобы убедить всех тех, в чьих руках находится власть, что нельзя допустить гибели мирных людей на дорогой для моего сердца земле Украины.

Кровь наших братьев, пролитая в Киеве и других

городах Украины, это плод ненависти, которую участники противостояния с разных сторон позволили врагу рода человеческого взрастить в своих сердцах. Пусть Господь остановит любую руку, поднятую с намерением причинить боль и страдания, и благословит тех, кто отстаивает мир. Да не допустит Он, Всемилостивый Отец наш, чтобы брат пошёл на брата, чтобы продолжилось насилие, чтобы подвергались поруганию святыни. Да не будет больше жертв на Украинской земле. Вознесём об этом общую горячую молитву.

Никто из живущих сейчас на Украине не должен чувствовать себя чужим в своём родном доме, на каком бы языке он ни говорил. Нельзя допустить дальнейшей поляризации общества, роста насилия против мирных граждан, необходимо всему населению гарантировать реализацию его прав и свобод, включая право на участие в принятии судьбоносных решений. Те, в чьих руках находится власть, обязаны не допустить насилия и беззакония. Украинский народ должен сам, без внешнего воздействия, определять своё будущее.

Братство русского, украинского и белорусского народов – реальность, выстраданная историей и многими поколениями наших предков. Эта реальность, живущая в наших сердцах, должна определить наше будущее, и её нельзя приносить в жертву сиюминутным интересам.

Сегодня, в Прощёное воскресенье, я обращаюсь ко всем моим братьям и сёстрам во Христе с горячим призывом простить и понять друг друга. Обращаюсь ко всем власть имущим: не допустите насилия по отношению к мирным гражданам!

Господи, благослови народ Твой и сохрани от всякого зла каждого, кто живёт на Украинской земле!»

«Нет более важного вопроса сегодня, чем мир на Украинской земле», – сказал патриарх несколькими днями ранее на заседании Высшего церковного совета. Предстоятель призвал усилить церковные и личные молитвы за Украину – такие прошения православные христиане возносят с лета 2014 года в каждой церкви России на каждой литургии.

В то же время управделами Украинской православной церкви митрополит Бориспольский и Броварский Антоний пожаловался президенту Украины Петру Порошенко

на захваты храмов. «В Ровенской, Киевской, Львовской, Тернопольской, Волынской, Черкасской областях осуществлены попытки силового противозаконного захвата приходов Украинской православной церкви. На данный момент зафиксирован захват 20 приходов нашей Церкви. Ещё на 8 приходах сохраняется крайне напряжённая ситуация», – заявил митрополит на встрече П. Порошенко с членами Всеукраинского совета церквей и религиозных организаций, сообщает пресс-служба УПЦ. Как отметил иерарх, всё это происходит «с фактического согласия органов местной государственной власти». «Пользуясь безнаказанностью, в эти деликатные вопросы вмешиваются и представители отдельных политических партий. Такие процессы не только нарушают религиозный мир в нашей стране, но и несут в себе угрозу для безопасности государства. Считаем, что руководству страны следует обратить на это особое внимание», – заявил он. Митрополит также сообщил, что на Донбассе, где действует 1100 православных храмов и 17 монастырей, в результате боевых действий уничтожено 9 церквей УПЦ, ещё 77 храмов получили повреждения.

Наряду с этим представитель Церкви рассказал, что из разных епархий УПЦ постоянно отправляются гуманитарные грузы в зону боевых действий. Только лекарствами и медицинским оборудованием была оказана помощь на сумму свыше 2 млн гривен. Кроме того, было собрано и передано 1200 тонн продуктов питания, одежды и вещей первой необходимости.

По материалам сайтов Интерфакс-религия и Патриархия.ру

Церковь и общество

Полтысячи человек совершили крестный ход в Москве в память о героях Первой мировой войны

Крестный ход состоялся 15 февраля от церкви Всех Святых на Соколе к Преображенской часовне на Братском кладбище в столице.

В мероприятии, посвящённом памяти героев Первой мировой войны, приняли участие около 500 человек, сообщает пресс-служба Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями г. Москвы.

Среди участников мемориальной акции были председатель департамента Юрий Артюх, члены Общества потомков погибших в Первой мировой войне, добровольческого казачьего корпуса, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, духовенство.

В рамках акции у Преображенской часовни открылась фотовыставка под открытым небом, подготовленная Елизаветинско-Сергиевским просветительским обществом. На стендах размещена информация о кладбище, о захоронениях, о подвиге сестёр милосердия и служении «белого ангела Москвы», как

называли великую княгиню, преподобномученицу Елизавету Фёдоровну Романову.

По её замыслу, Братское кладбище должно было объединить всех павших вне зависимости от веры, чина, должности. Оно было разбито на сектора, в которых хоронили православных, католиков, иудеев. Отдельной аллеей шли могилы лётчиков, здесь нашли последний приют не только русские авиаторы, но и французы, англичане.

Братский некрополь на Соколе до недавнего сооружения памятника на Поклонной горе был единственным мемориалом в честь героев Первой мировой войны в Москве. В 1930-е годы кладбище снесли и разбили на его месте парк, а вместо разрушенного Преображенского храма построили кинотеатр «Ленинград». Из всего надгробий уцелело только одно, а нынешний Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны занимает лишь десятую часть кладбища.

Интерфакс-религия

Православные требуют остановить застройку Бутовского полигона

Представители храма Новомучеников и исповедников Российских и мемориального центра «Бутово» просят губернатора Московской области Андрея Воробьёва приостановить строительство жилья в охранной зоне памятника истории «Бутовский полигон» – бывшем стрелковом полигоне НКВД, где с 1937 по 1950-е годы были расстреляны и захоронены десятки тысяч человек.

«Главная проблема заключается в том, что памятник создан, а его границы в кадастровом плане не обозначены, – отметил директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Игорь Гарькавый. – Мы обратились к губернатору Андрею Воробьёву и пригласили его посетить наш полигон. Надеемся, что он сможет разобраться в ситуации».

«В настоящее время вокруг бывшей спецзоны ведётся активное жилое строительство, – говорит настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских протоиерей Кирилл Каледа. – Там строится, можно сказать, целый город с населением около 60 000 человек и уже

имеются факты нарушения зоны охраны, зафиксированные сотрудниками министерства культуры Московской области».

Музеефикация Бутовского полигона началась в 1995 году, когда территорию захоронений площадью 6 га передали Русской православной церкви. Тогда же здесь была построена деревянная церковь Новомучеников и исповедников Российских. Через 12 лет был построен и новый каменный храм, который в 2007 году освятили Святейший патриарх Алексей II и предстоятель Русской православной церкви Заграницей митрополит Лавр.

Члены православной общины на основе материалов следственных дел установили имена 20 765 человек, убитых на полигоне с августа 1937-го по октябрь 1938 года, общее же число покоящихся здесь людей до сих пор неизвестно. Среди расстрелянных – мужчины и женщины от 13 до 82 лет, представители 73 национальностей, всех вероисповеданий, всех сословий, но большинство – простые рабочие и крестьяне, в основном жители Москвы и Подмосковья.

Седмица.ру

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издаётся с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907

от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 9 марта 2015 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 13 марта 2015 г.

gazetakifa.ru

Конференции и встречи

В Екатеринбурге прошла конференция «Церковь. Богословие. История»

6-7 февраля в Екатеринбурге по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла состоялась III Международная научно-богословская конференция «Церковь. Богословие. История», посвящённая памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской и 130-летию Екатеринбургской епархии.

«История Церкви – это в первую очередь история святости, – сказал, открывая конференцию, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл. – Поэтому нам так важно вспоминать подвиг наших святых и через их опыт богообщения черпать силы для современной миссии. Сонм Екатеринбургских святых украшен не только именами миссионеров-епископов, но и множеством преподобных и праведных, своими скромными силами, и в то же время яркими добродетелями являвшими ту красоту жизни во Христе, которая в конечном итоге без огня и меча покорила сердца многих местных жителей, соединила всех нас под крышей одного русского православного дома. Ведь Господь призывает к великим делам не только совершенных. Простые люди, не лишённые и человеческих слабостей, тоже приглашаются Им к этому общему делу».

На пленарных заседаниях и девяти секциях выступили богословы, историки, философы, филологи,

Епископ Бобруйский и Быховский Серафим, первый проректор Института теологии Белорусского государственного университета, и выпускница СФИ Евгения Парфёнова

научные и общественные деятели из России, Украины, США, Болгарии, Польши, Белоруссии, Казахстана, Молдовы и Сербии.

На конференции был представлен очередной выпуск научного издания Екатеринбургской семинарии – «Вестника ЕДС». Наряду с другими публикациями в номере вышла первая часть романа протоиерея Николая Буткина, расстрелянного в Уфе в 1937 году. Он служил в Екатеринбурге в предреволюционное время, а затем был настоятелем собора в городе Шадринск. Это был человек незаурядного ума, видевший угасание в людях христианской веры и не желавший с этим мириться. Роман автобиографичен и повествует о событиях 1916–1917 годов. Главный герой – священник Григорий Загуменных, в котором мы узнаем самого автора, направлен в уездный Ш-ск. Здесь все свои силы он полагает на вдохновение людей идеей христианского братства и находит единомышленников из разных слоёв общества. Главный редактор «Вестника ЕДС» и первый проректор Екатеринбургской семинарии протоиерей Пётр Мангилев сказал о необходимости и дальше издавать наследие протоиерея Николая Буткина.

Жизни и служению отца Николая Буткина был посвящён доклад Евгении Парфёновой, защитившей в Свято-Филаретовском институте исследование об отце Николае в прошлом году.

Участники конференции вспоминали о судьбах святых не только Екатеринбургской епархии. Епископ Бобруйский и Быховский Серафим, первый проректор Института теологии Белорусского государственного университета, рассказал о подвиге новомучеников и исповедников Бобруйской епархии, накрытых волной репрессий после освобождения оккупированных территорий в 1945 году.

Историю жизни священномученика Екатеринбургской епархии Александра Миропольского вспомнил в своём докладе выпускник СФИ Дмитрий Каштанов. Служение отца Александра было связано с миссией иноверным. Когда летом 1918 года отец Александр был расстрелян, местные татары были поражены страшным концом его земной жизни. Они говорили: «Зачем красные убили его? Он хорошие книги давал, добру учил».

На конференции звучали доклады, посвящённые жизни и наследию многих новомучеников и исповедников. Среди них и так называемые «церковницы» –

Митрополит Тульчинский и Брацлавский Ионафан среди участников конференции. Фото: официальный сайт Екатеринбургской митрополии

верующие женщины, взявшие на себя труд сохранения монашеской традиции во время разорения монастырей, создание сестричеств, поддержку опальных священников. Церковному служению женщин в 1920–1930 годах был посвящён доклад студентки СФИ Оксаны Ивановой.

Официально конференция закончилась в субботу, но смысловым её завершением стала Божественная литургия в Храме-на-Крови, которую в день памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской соборно совершили восемь архиереев: митрополит Тульчинский и Брацлавский Ионафан, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, архиепископ Белостокский и Гданьский Иаков, епископ Моравичский Антоний, епископ Бельцкий и Фэлештский Маркелл, епископ Бобруйский и Быховский Серафим, епископ Каскеленский Геннадий и епископ Каменский и Алапаевский Мефодий.

Конференция была организована Екатеринбургской митрополией, Екатеринбургской духовной семинарией, Миссионерским институтом и Институтом гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Мария Мельникова
Информационная служба СФИ

Конференция памяти о. Георгия Чистякова состоялась в Москве

Учебно-научный центр изучения религий РГГУ пригласил на конференцию «Новозаветные исследования: проблемы и перспективы» священников и мирян – богословов, филологов, библеистов, переводчиков. В ходе конференции состоялась презентация новых изданий, включающих тексты о. Георгия.

По сложившейся традиции, первая часть конференции была мемориальной: своими воспоминаниями об о. Георгии поделились его друзья и коллеги. Руководитель Учебно-научного центра изучения религий РГГУ Николай Шабуров рассказал о том, как познакомился на первом курсе истфака МГУ с Егором Чистяковым, который оказался «ярким, увлекающимся абсолютно всем (древними языками и культурами), необыкновенным любителем и знатоком поэзии». Эти качества были присущи Георгию всю жизнь, а диапазон его интересов и занятий всё время расширялся. Став священником, он не оставил науку, в том числе – продолжил изучение Нового Завета. По словам его однокашника, о. Георгию удалось «гармонизировать научный и церковный подход к Новому Завету». «С точки зрения Церкви тексты Нового Завета несут вневременный характер, а с точки зрения научной библеистики – это тексты своего времени, необходимо изучать исторический, социальный и культурный контекст, в котором они появились. Отец Георгий решал эту проблему в поле культуры: если понимать Новый Завет как главный текст европейской цивилизации на протяжении двух тысячелетий, это снимает противоречие между историзмом и

вневременным содержанием Священного Писания», – отметил Н. Шабуров.

«Евангелие было глубоким содержанием его жизни, а во вторую очередь – предметом изучения», – продолжил тему иеромонах Иоанн (Гуайта). Он знал о. Георгия в течение многих лет: и как коллегу-преподавателя в Институте иностранных языков, и как духовного отца и друга. Отец Иоанн подробно охарактеризовал многогранную личность о. Георгия в разных её проявлениях: как учёного, публициста, преподавателя, приходского священника храма свв. Космы и Дамиана и настоятеля Покровского храма при Республиканской детской клинической больнице (РДКБ), как пастыря и проповедника, а также руководителя Отдела религиозной литературы Всероссийской библиотеки иностранной литературы. Выступавший подчеркнул, что о. Георгий считал себя учеником прот. Александра Меня (1935–1990) и принял решение стать священником в год его гибели. По словам о. Иоанна, складывалось впечатление, что «вместе с рукоположением ему были дарованы силы: прежде слабый здоровьем учёный превратился в скалу», он «продолжил и развил дело о. Александра Меня».

Отец Иоанн также говорил об о. Георгии как о «человеке синтеза и единения»: в нём соединились вера, наука и культура; «Афины и Иерусалим» – т. е. античная эстетика и духовность христианства; менталитет русской дореволюционной интеллигенции и острая современность мышления, откликающегося на самые болезненные события настоящего; глубокая укоренённость в православной традиции и любовь к западной

культуре и высоким проявлениям духа. Его можно назвать «гостем из вечности»: «позавчера он общался с Плутархом, вчера – с гениями Возрождения, а сегодня – беседует с вами».

Сын о. Георгия Пётр Чистяков представил только что изданный сборник материалов предыдущей научной конференции «Новозаветные исследования: проблемы и перспективы», посвящённой о. Георгию. В сборник включена его статья о Нагорной проповеди. П. Чистяков сообщил также, что подготовлен к печати том научных трудов его отца, в составе издания – дипломная работа о Фукидиде, кандидатская диссертация о Павсании, переводы Плутарха и др. Книга Анны Даниловой «От смерти к жизни», вышедшая недавно в новом издательстве «Правмир», открывается статьей о. Георгия «Нисхождение во ад. Почему Бог попускает страдание и смерть?», которая написана на основании опыта служения священника в РДКБ. «Отец большое значение придавал семейным документам», – рассказал П. Чистяков и продемонстрировал публикации из семейных архивов в журнале «Мир музея» (это воспоминания Георгия Петровича Чистякова-старшего, деда о. Георгия). Участникам конференции была предоставлена также неожиданная возможность послушать домашние аудиозаписи 1970-х гг. – Георгий Чистяков читает стихи Н. Гумилёва, свои и Катулла по-латыни.

В первый день конференции прозвучали доклады «Литургические предпосылки экзегезы Священного Писания Нового Завета» (священник Александр Пржегорлинский), «Вклад славянско-

го перевода Евангелия в расширение общего смыслопространства священной книги: новые разыскания» (Евгений Верещагин), а также сообщения, посвящённые отдельным новозаветным сюжетам: «„Вера евангельская“ как знак погибели (Флп 1:27–30)» (Мария Карякина), «Обрезание Тимофея (Деян 16:3) – датирующий анахронизм?» (Дмитрий Браткин), «Когнитивные метафоры в притче о богаче и Лазаре (Лк 16:19–31)» (Алексей Сомов) и другие.

20 февраля, во второй день конференции, Вероника Андросова сделала доклад «Актуальные задачи современной российской библеистики и отдельные примеры их выполнения». Она представила новое учебное пособие «Библия за 30 уроков». Библист Андрей Десницкий представил новый проект перевода Посланий на русский язык. Конференция завершилась методологическим круглым столом на тему «Проблемы преподавания Нового Завета в высших учебных заведениях».

Юлия Зайцева
Благовест-инфо

Эвакуация

Мы продолжаем публиковать воспоминания о Великой Отечественной войне

Мне было 17 лет, когда в 1941 году из Ленинграда мы приехали в Свердловск, в эвакуацию. Я всё время хотела попасть на войну, но меня не брали. Один раз уже пришла поступать в связисты, но оказалось, что у меня недостаточно тонкий слух, и я не прошла проверку. Поэтому я работала чертёжницей: надо было зарабатывать хлебную карточку. Но я всё равно хотела хотя бы в госпиталь попасть и там помогать – хоть санитаркой, хоть кем угодно, при том что медицинского образования я не имела и была далека от него.

Мы жили во втузовском городке, и вот в одном из корпусов городка, в шестом, стали устраивать эвакуогоспиталь, подводить железную дорогу. Нас тоже привлекали: мы делали насыпь для кольцевой. До этого мы ещё ходили на лесоповал, на завод, где танковые снаряды смазывали, – ну, в общем, война!

В эвакуогоспиталь стали приходить поезда, раненых привозили и днём и ночью. Они оставались на сутки-двое, иногда на неделю, а потом их развозили по госпиталям в Свердловск или под Свердловск.

Я ходила сначала сама, а потом стала привлекать молодёжь из нашего дома выгружать раненых. Это физически очень тяжёлая работа.

Мы подходили к вагону и спрашивали:

– Скажите, кто здесь ленинградец?

Иногда кто-то отвечал. Мы спрашивали:

– Хотите остаться в Свердловске? Мы будем к вам приходить.

Однажды говорят: лежит там, на второй полке, тяжелораненый, он был на Ленинградском фронте. Мы подошли. Он в сознании был:

– Да, я с Ленинградского фронта, но вы меня не донесёте, я загибсован.

А я сказала: «Не волнуйтесь, мы уже

имеем опыт, втроём донесём!» Мы к этому времени уже очень ловко научились снимать с верхней полки. И вот мы спустили его на носилки и понесли: две мои подруги у его ног взяли носилки, а я у головы одна. И надо далеко идти до здания. А у меня такое чувство было, что я всё выдержу. Всё, что нужно, – всё буду делать! И вот, чувствую, что у меня пальцы разжимаются. А он – тяжелораненый. И в это время навстречу очень быстро идёт новенькая. Я шёпотом: «Поддержи». Она сразу всё поняла, подскочила, одну ручку носилок взяла, и вчетвером мы донесли. И в конце он говорит: «Покажите, кто меня нёс и чуть не уронил» (он не видел меня, но, оказывается, всё слышал и понял). И говорит: «Я же предупредил, что загибсован». И показывает: у него вся верхняя часть туловища в гипсе – тяжёлая! Вот такое переживание было.

В то время к восьми часам утра я отправлялась на работу чертёжницей и до пяти вечера там работала, с пяти до шести могла где-то перекусить, а к шести вечера шла в госпиталь и была там до 11. Я была полна энергии. Ни карточки нам за это не давали, ни зарплату, даже не кормили. Но мы были так счастливы, что нам удалось какую-то пользу принести!

Помню, был у нас больной, у которого были повреждены оба глаза, – он был уже обречён на слепоту. А был он моего возраста – мальчонка, такой деревенский мальчишечка. Он сидел всё время в коридоре так понуро, ничего не ел, лекарства не принимал – его никак не могли уговорить. Он не хотел жить, был одинокий. И вот одна из медсестёр мне говорит: «Вы же ровесники. Ты его чем-нибудь отвлек, школой, чем-нибудь».

И я стала заниматься только им. Приходила, садилась около него и начинала его расспрашивать про его маму, про его папу. Про то, как он жил, какие у него там овечки были. Он сначала ничего не отвечал. Потом стал отвечать. Потом я

ему сказала: «Ну что, ты хочешь умереть от голода? Ведь жизнь-то раз даётся. Поешь, может быть, ты и поправишься». В конце концов он стал есть. Такая была победа. И лекарства стал принимать. Но это дорогой ценой обошлось, потому что это нелегко. Когда у молодого человека безнадежное настроение, его привести к желанию жить очень трудно. Другие ранения люди переносили, а пожизненная слепота – самое страшное.

Как-то был и такой случай. Появился у нас в госпитале ленинградец, моряк. Его положили в коридоре, потому что мест свободных уже не было. Он спрашивает медсестёр: «Нет ли кого-нибудь из Ленинграда?» Они меня привели к нему, и оказалось, что он на Некрасова живёт, близко от меня – я на Чайковского жила.

И он рассказал такую историю. Оказывается, у него и отец, и брат были лёгкими. А он сам с матерью остался, потому что только школу кончил, так же, как и я. Жили они в Ленинграде в очень тяжёлых условиях. Первое время отец мог иногда прилетать и что-то привозить им из еды. А потом его самолёт был сбит, и отец погиб. А брат не был начальством и не мог к ним ездить. Они остались на голодном пайке. Мать пробовала что-то менять на продукты, но у неё ничего не получалось. Её самого в это время призвали на фронт. Он служил на флоте. Флот стоял под Ленинградом и охранял город от налётов. И вот во время одной из атак на корабли он был очень тяжело ранен в обе ноги. Но его не оставили в госпитале на корабле, а отправили домой, по сути дела погибать. Отвезли и положили, и он лежит, не ходит, ноги у него не работают. Мать от голода умерла, и он сам остался чуть живой. Потом друзья с фронта приехали его проведать, увидели его положение и помогли снова взять его на корабль. На корабле его подлечили, воевать он не мог, но по хозяйству помогал, а потом снова был ранен, и тогда по-

пал к нам в госпиталь – у него была опасность гангрены.

И так как я была из Ленинграда, то он всё просил меня в свободные минуты поговорить, повспоминать Ленинград. А я не могла, мне надо было идти срочно работать. Но я рассказала о нём у себя на работе. А надо сказать, что нам давали 600 грамм хлеба чёрного, а местным – 500, потому что у них обычно был огородик, вещи какие-то, которые они могли менять. Из-за этого иногда даже начиналась какая-то вражда, но меня, слава Богу, это не коснулось. Наоборот, когда я приходила и рассказывала о госпитале, то женщины, у которых были детишки – а таким выдавали кроме чёрного хлеба каждый день одну белую булочку, – мне иногда приносили эти булочки: то одна принесёт, то другая: «Возьми для того ленинградца, у которого мама в блокаду погибла». И я эту булочку ему несла. Он всегда был очень тронут этим.

После войны я поступила в Академию Художеств. И однажды моя однокурсница говорит: «Ты знаешь, у меня в Москве подруга вышла замуж за арфиста, он приезжает на гастроли и будет выступать». После концерта она вернулась восторженная. Рассказывает: «Представляешь, он был ранен и не может стоять. Он собирался в Консерваторию на дирижёрское, но пришлось пойти на арфу. Мы с ним разговаривали. Между прочим, он во время войны в Свердловске в госпитале одно время лежал». Я говорю: «Да? А как его фамилия?» «А его фамилия Липшиц». «А, – говорю, – Липшиц! Это тот, который в коридоре лежал. Булочкам радовался...»

Записано со слов Киры Литовченко

К. Литовченко. Фотография с пропуска в госпиталь. Начало 1942 г.

Из дневника Н.С. Покровской, в 1943 году – директора интерната, в котором жили эвакуированные московские школьники

26.05.43. Село Верхнее Рождество Мологской области. Вчера произошло исключительное событие. Я его не забуду никогда, даже если забуду всю жизнь в Рождестве. Утром из сельсовета принесли мне записку, что только что звонила Стольниковая и просила меня немедленно приехать по очень срочному и совершенно неотложному делу.

Лошадей не было. И даже старухи Замахайки, которой мы пользуемся обычно, не было. Конный двор был пуст. Что было делать? Я пошла пешком. День был тёплый и ясный. Вот и Кама. Вот и перевоз. Стольниковая обрадовалась мне, но прежде всего спросила: «Ты на лошади?» И когда узнала, что я пешком, огорчилась: «Как же так!»

Мы пошли с ней в школу. По дороге она рассказала, что рано утром опять привезли партию детей и оставили ей около пятидесяти человек. Она поместила их в пустом классе, сразу распределила по интернатам и немедленно вызвала всех директоров. Мне нужно забрать двух детей, и забрать немедленно.

– Ты сама понимаешь, – говорила она, – разве можно держать их в классе? Их ведь и кормить нужно, и помыть и спать им нужно. А, может быть, кто болен. А завтра могут ещё заболеть. Сегодня же нужно забрать всех!

В большом классе стоял гул от детских голосов. Их было много, и все были такие разные. И большие, лет по пятнадцати, и совсем маленькие, только что начавшие ходить. Они сидели на подоконниках, на партах, на полу. Бегали, ходили, разговаривали, плакали, ссорились. И все были обгрёпанные, грязные. Сразу было видно, что они в том виде, в каком их подобрали. Очевидно, сразу сажали в вагоны и отправляли. Не до них там. В тылу вымоют, оденут.

...Чья-то маленькая рука дотронулась

до меня. Рядом стоял мальчик лет семи.

– Тётя, – пролепетал он, – возьмите меня. Тётя, возьмите меня. Меня зовут Коля.

– Хорошо, хорошо, – сказала я, обнимая его за плечи и прижимая к себе.

И в это время я увидела, что через всю комнату бежит, ковыляя в неимоверно больших сапогах, толстый, смешной, белоглазый, голубоглазый карапуз. Ваня!*

– И вот этого! Именно этого, в сапогах.

Стольниковая посмотрела в список и огорчённо взглянула на меня.

– Коля Марин. 7 лет. У него сестра Маня четырех лет. Они вдвоём.

– А этот, – продолжала Стольниковая, просматривая список, – Вова Пыжов, у него тоже сестра, Вера, одиннадцати лет. Вера? Где ты?

Подошла девочка с белыми, как у брата волосами, солидная и спокойная.

– Так как же? Кого берёшь? – спросила Стольниковая.

– Всех! Всех четырёх, – ответила я.

– Да? – обрадовалась Стольниковая. – Молодец! Ну, забирай! Забирай!

Она сделала пометку в тетради и поспешила навстречу входящим в класс двум женщинам, директорам интернатов.

Я вышла на улицу со стайкой детей.

Что делать? Ну, ничего, решила я, как-нибудь доберёмся. Не ночевать же тут.

Был уже четвёртый час. У берега Камы стояла лодка. В ней копошился старик.

– Дедушка, – сказала я, – перевези нас на ту сторону.

– А сколь дашь? – спросил он, не оборачиваясь.

– Нет у меня денег, дедушка, – да вот сирот с войны надо домой везти. Что делать?

– Сирот? – живо обернулся старик. – Это что ж, из тех, что ль, что утром с парохода сгружали? Сирот? Господи Ты Боже мой! Царица Небесная! Вот беда-то!

Ну, садитесь не то! Что с сирот взять? Да и грех-то!

Старик помог мне усадить детей в

лодку и сел на вёсла. На другом берегу он опять помог мне высадить детей. Перекрестился, махнул нам рукой и долго смотрел вслед. Мы тихо поднимались в гору к лесу. И вдруг захныкал Вова Пыжов. Захныкал и стал плакать. Он хромал. Я посадила его на траву и сняла с него огромные истоптанные сапоги. Маленькие ножки без чулок были красные, на пятках стёртые. Я взяла Вову на руки, сапоги дала Вере, и мы пошли в гору. Малыш обхватил руками мою шею и склонил голову мне на плечо. Трое других брели рядом. И вдруг я почувствовала, что Вова отяжелел и сладко засопел. Он спал.

Мы уже шли по лесу, когда плач маленькой Мани прервал мои мысли. А Вова крепко спал, похрапывая. Я выбрала сухое место. Опустила Вову на зелёный мох. Он проснулся и озирался кругом с любопытством. А Маня всё плакала. Она устала, такая маленькая. Я сняла с головы платок, разорвала его пополам и крепко завернула стёртые ноги мальчика. Потом надела ему сапоги. Старшие пока что сидели на пенёчке. Но сидеть долго было нельзя. Время шло, а идти ещё далеко. Я взяла на руки Маню, Вера взяла за руку братишку, и мы пошли дальше. Теперь уж на моём плече уснула Маня.

«Нет, нельзя быть равнодушной к последствиям войны, – думала я, – нельзя просто так закрыть свою дверь от человеческого горя, от миллионов маленьких сирот и продолжать жить своей жизнью, жизнью только для себя, только для своих детей. Нельзя! Преступно! Стыдно!»

Вернётся Костя**, возьмём одного из них. Не оставим, не бросим. Пусть хоть один согреется душой. Найдёт отца и мать. Было у нас четверо и будет четверо. Костя такой хороший. Он всё поймёт».

Было уже совсем темно, когда мы подходили к Рождеству. В окне кухни слабенький свет коптилки. На крыльце стоит Наташа и не спускает глаз с дороги. Вместе с Наташей мы принесли сверху туюфьяки, подушки, одеяла, постелили в столовой на полу. Они уснули сразу, как

только мы их раздели и укрыли потеплей. Наташа осталась ночевать с ними.

9.06.43. В школе был выпускной вечер для семиклассников. Выпускников 10 человек, почти все наши.

Я смотрела на всех этих детей, окончивших семь классов, и передо мной проносились картины двухлетней жизни интерната. Тёмные вечера с коптилкой, топящаяся печь и толпы детей у печи. Мама, склонившаяся над книгой и читающая вслух, Надежда Фёдоровна, чинящая одежду при свете угасающего дня. Столовая, гул голосов, следы нестерпимой осенней грязи на полу, мытьё десятков детских тел в чёрных баньках, огорода, поля, леса, волнения наши и слёзы в дни Сталинграда и многое, многое другое.

Нет, не напрасно мы тут жили. Страдали, бились, рвались из сил. Вот они, наши птенцы, окончившие семилетку. Ни года не пропало для них! И для всех других. Учились, жили, были здоровы. Теперь вернутся домой, ничего не потерявшие.

Молодёжь танцевала под патефон. Были хохот и веселье. Угостили всех ребят чаем и отпустили домой. Остались взрослые. И я пела. Просили, а я и не ломалась.

И в этой глухой деревне я пела свои любимые вещи, такие старые, но всегда прекрасные: «Однозвучно звенит колокольчик...», «Утро туманное...», «Элегию» Масснэ. Я видела, как, слушая пение, опустил на руку голову Ветров, как радостно смотрят на меня мама и Наташа, как сдерживает слёзы Лидия Ивановна, как притихли молоденькие учительницы. И мне тоже было грустно и радостно.

* Ваней звали младшего сына Покровских, умершего трёхлетним в январе 1941 года
** Муж Н.С. Покровской, воевавший в это время на фронте. После войны семья действительно усыновила и вырастила одного из сирот, родители которого погибли в оккупированной Белоруссии.

«Ещё от Достоевского мы услышали впервые грозное слово: "русская церковь в параличе"»

Эти слова из поданной императору записки председателя Комитета министров Российской империи говорят о том, с какой тревогой размышляли о судьбе России и Русской церкви те, кто уже в 1905 году услышал эхо надвигающейся катастрофы

Председатель Комитета министров С.Ю. Витте

110 лет назад вопрос, как церковь нести ответственность за страну, народ, общество, встал с особой остротой: начало первой русской революции оказалось связано с событием, в котором центральную роль играл священник¹. Как отмечал в своей статье «Русская Церковь в 1905 году» А.В. Карташёв, «Гапон своей организаторской деятельностью... показал, какую громадную силу притяжения имеет для религиозной в массе народно-рабочей среды церковный авторитет и какую гигантскую решающую силою в сфере социально-экономических затруднений могла бы быть Церковь, если бы она нашла секрет, как действительно участвовать ей в этих вопросах без противоречия своим принципам»².

Тогда, в 1905 году, мнения петербургского духовенства по этому вопросу разошлись. Молодые священники «требовали от духовенства всецелого проникновения интересами паствы и деятельного участия в её жизни»³. Люди с длительным пастырским и жизненным опытом призывали злободневные вопросы не затрагивать (чтобы «не оказаться в услугах у мира»), а «стоять на чистом учении Христовом и проповедовать только идеалы Евангелия»⁴. Бурные события общественной жизни ставили перед сторонниками активной общественной позиции церкви новые и новые вопросы: может ли священник баллотироваться в Государственную Думу? может ли священник быть членом политической партии, программа которой наиболее приближена к христианскому идеалу? может ли священник публично выступать против действий государственной власти, если они противоречат требованиям Божьей правды?

Отдавая себе отчёт в том, как сильно изменилось за прошедшие 110 лет то, что называется «Государственной Думой», «политической партией» и «государственной властью», я, тем не менее, полагаю, что по существу ответ, найденный тогда, должен быть услышан и принят и сегодня: «Только Церковь, свободная в исповедании полноты своего самосознания, во внутреннем строе своём, в служении слова своего, в управлении всех дел своих и всего ей вверенного, только свободно самоуправляющаяся Церковь может поддерживать в совокупности чад своих полную, сыновне чистую веру в себя и вполне обладать необходимым для осуществления её высокого божественного призвания голосом, от которого горели бы сердца человеческие»⁵.

Чтобы иметь силу и право обращаться к народу со словом правды, церковь должна быть свободной и от внешнего давления, и во внутреннем строе своём; чтобы не предлагать вместо ответов на вызовы времени только сладкую сказку о загробном блаженстве, церковь должна уже здесь и сейчас являть реальность Небесного Царства. Это особенно остро было пережито в начале XX века, когда вопрос о необходимости изменения – возрождения – обновления жизни русской церкви был осознан почти всеми её верными чадами.

В феврале 1905 года председатель Совета министров Российской империи Сергей Юльевич Витте подал императору Николаю II записку «О современном положении православной Церкви»⁶. 28 марта 1905 года эта записка была опубликована в газете «Слово» и вызвала дискуссию о «современном упадке церковной жизни» и о «необходимых изменениях в строе церковной жизни». Одновременно записку «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви» составил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский), а группа «32-х» петербургских священников опубликовала в журнале «Церковный вестник» текст «О необходимости перемен в русском церковном управлении».

Оставим в стороне вопрос о том, насколько согласованными были действия главного министра государства, первенствующего члена Святейшего синода и молодых петербургских клириков, очевидно одно: жизнь требовала перемен и церковь устремилась к освобождению.

В первую очередь это освобождение понималось как освобождение от тесной опеки государства. Со времён реформ Петра I церковь стала частью государственного механизма, что гарантировало ей внешне привилегированное положение, охрану её интересов при помощи

силового аппарата государства, но накладывало такие тяжкие внутренние узы, что церковь переставала узнавать саму себя. В ситуации принятия закона о веротерпимости вызывал серьёзную обеспокоенность вопрос, в силах ли православная церковь будет выдержать предстоящую борьбу с сектантством и иноверием вообще?

В записке Витте степень чаемой независимости церкви от государства описывалась с большой осторожностью: «Церкви необходим союз с государством; необходима и государству поддержка церкви, но условия союза между тою и другою стороною должны быть составлены так, чтобы не ослаблять самостоятельности ни церковного, ни государственного организма»⁷. Молодые петербургские священники были гораздо радикальнее в своих требованиях: «Не подчиняться должна Церковь условиям и требованиям общественной и государственной жизни, какой бы высоты – всегда, впрочем, относительной – ни достигали эти требования; она должна действовать всегда как свободная благодатная сила, провозглашая лето Господне благоприятное»⁸.

Однако независимость в отношениях с государством мыслилась только как условие восстановления свободы самой церкви в её внутреннем строе. В записке Витте, в частности, говорилось: «Ещё от Достоевского мы услышали впервые грозное слово: "русская церковь в параличе", – тогда оно не встретило серьёзного возражения. <...> С начала XVIII века в церковной жизни стало ослабевать, а затем и совсем исчезло соборное начало: это, прежде всего, и вызвало застой церковной жизни».

В какой-то момент чтение записки 1905 года о положении церкви заставляет подумать, что восстановление соборности мыслилось церковными деятелями начала XX века прежде всего как созыв Поместного собора. «На вопрос: как же достигнуть великой и святой цели восстановления канонической свободы православной Церкви в России, – ответ, по нашему глубокому убеждению, может быть только один: чрез нарочито для сего созданный поместный собор русской Церкви» (записка «32-х»). При этом оговаривалось, что на соборе должны быть представлены не только все ступени церковного клира, но и народ церковный: «Но для того, чтобы этот собор представил собою действительно голос всей русской церкви, он не может быть замкнутою архиерейскою коллегиею, которая есть явление не каноническое» (записка Витте).

В то же время очевидно, что авторов цитируемых записок вдохновлял образ Церкви, которая не только имеет возможность осуществлять внешние формы своего соборания, но и изнутри является братским союзом любви, собранным Духом Святым: «У верующих первой христианской общины были, по выражению апостола, "одно сердце и одни уста"; тесно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднейшие христианские общины. Такого единения в настоящей момент лишена наша православная церковь, почему так обильно и разрастаются на её почве разные секты и плодятся религиозный индифферентизм» (записка Витте); «Внутри себя она (Церковь) есть, по божественному предначертанию, "святая святых" обитающего в ней Духа Животворящего и совершает служение в "святой святых" душ человеческих, руководя своих чад совокупно и к личной каждого цели – спасению во Христе, и к общей всех цели – созиданию царства Божия в людях, объединяемых в единое словесное стадо Христово» (записка «32-х»).

Безусловно, предлагались в начале XX века и конкретные пути восстановления соборности: от выборности клира и деления огромных епархий на небольшие соборно управляемые митрополичьи округа до реформы духовной школы, которая должна перестать быть сословной, чтобы «религиозное образование стало доступно всем, невзирая на различие сословия и возраста» (записка Витте).

В 1905 году все эти замечательные идеи не были воплощены в жизнь – император отложил на неопределённое время созыв Поместного собора. Когда же собор был созван, в России уже не было императора, но и у церкви уже не было и возможности всерьёз влиять на жизнь страны и общества или менять что-то в собственном укладе – начались бессудные расправы над епископами и священниками...

Вместо чаемого мирного и постепенного освобождения от опеки государства церковь была резко, грубо и внезапно отторгнута от влияния на все сферы государственной и общественной жизни, и при этом оказалась в ситуации такого давления со стороны новой власти, по сравнению с которыми дореволюционная ситуация стала восприниматься как нежные объятия. Отказаться же от компромисса с новой государственной властью церковь не рискнула, не сумела, не нашла в себе опыта, на который могла бы опереться.

И всё же история Русской церкви в XX веке, опыт

Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский)

новомучеников и исповедников Российских, особенно тех из них, кто не просто попал под колесо репрессивной машины, но в любых условиях продолжал собирать народ Божий, рассеянное стадо учеников Христовых, убеждает нас в том, что церковь в годы гонений обрела, заново узнавала саму себя, понимала, что значит сохранить «святыя святых». Так, сщмч. Ин-

нокентий (Тихонов) писал из ссылки в Архангельск своим духовным чадам, членам Александро-Невского братства: «Доселе вы очень дорожили зданием, иконами, украшениями и принадлежностями богослужения, колоколами. Кажется, всё Господь возьмёт на время или совсем от нас для того, чтобы мы восчувствовали не убор, не блеск, но самое Тело во Христе, Самую Церковь, Братское общение наше в благодати. Если оно сохранится, то всё может быть спасено, а если оно утрачено, то не будет и благодати Христианской жизни. А погибнуть церковное общение может только тогда, когда мы сами это сделаем, т. е. если мы этого не захотим и не сделаем, то общение с Церковью не уничтожит и весь ад во всем его могуществе и злой мудрости» (10–23 февраля 1923 г.).

Нашла ли церковь, пройдя трагический путь XX века, «секрет, как действительно участвовать ей в общественных вопросах без противоречия своим принципам»? И нашла, и не нашла. В своём реальном историческом бытии церковь слишком часто вновь и вновь пыталась и пытается искать опору во власти кесаря, а не во власти любви, являющей себя в жизни свободно собранного вокруг Христа Божьего народа. Но теперь ей уже невозможно не чувствовать в этом катастрофическую неправду, ведь главный «исторический», а также и экклесиологический урок, который дают нам события XX века, заключается в том, что церковь всерьёз может нести свою ответственность за историю только тогда, когда в своём историческом бытии она являет черты Небесного Царства.

Юлия Балакшина

¹ 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге произошло событие, известное как Кровавое воскресенье – разгон мирного шествия петербургских рабочих с коллективной «Петицией о рабочих нуждах». Шествие было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Георгием Гапоном. Поводом для выступления стала проигранная забастовка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе и охватившая все заводы и фабрики Петербурга. 5 января Гапон предложил рабочим обратиться за помощью к самому царю, а 7–8 января составил петицию, перечислявшую их требования. Наряду с экономическими петиция включала ряд политических требований, главным из которых был созыв народного представительства в форме Учредительного собрания. В день шествия сам царь был не во дворце и не в городе. Политический характер выступления и стремление демонстрантов прорваться сквозь оцепление солдат стали причиной разгона шествия, в ходе которого против безоружных рабочих было применено огнестрельное оружие. Разгон шествия, повлекший гибель от нескольких десятков до нескольких сотен человек, вызвал взрыв возмущения в российском обществе и во всём мире и послужил толчком к началу Первой русской революции.

Оценки личности Гапона современниками и историками крайне противоречивы. Кто-то считал его провокатором, кто-то – страстным революционером, кто-то – последователем идей Толстого. Прокурор Петербургской судебной палаты писал в записке на имя министра юстиции: «Названный священник приобрёл чрезвычайное значение в глазах народа. Большинство считает его пророком, явившимся от Бога для защиты рабочего люда». В 1906 году Гапон был убит группой эсеров.

² Церковный Вестник. 1906. 5 янв. № 1. С. 5–11.

³ Красный архив. 1929. Т. 15 (36). С. 198–199.

⁴ Там же.

⁵ О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный Вестник. 1905. № 11. С. 321.

⁶ Считается, что записка была составлена для Витте профессорами СПбДА А.С. Павловым, Н.С. Суворовым, Н.А. Заозёрским, А.А. Папковым и публицистом Л. Тихомировым; по другим данным её авторами являлись Витте и сотрудник канцелярии обер-прокурора Синода Ф.Н. Белявский.

⁷ Здесь и далее записка Витте цитируется по: Православная община. 1998. № 1 (43). С. 64–75.

⁸ Здесь и далее записка «32-х» петербургских священников цитируется по изданию: Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М., 2014.

Как возродить не только форму, но и дух братской жизни

Фрагменты доклада Владимира Лавренова, председателя малого православного Мариинского братства: «Идея братства и примеры её воплощения в Русской православной церкви с древнейших времён до наших дней»

Начало на с. 1

Урок в школе львовского братства. Гравюра XVII века

Неудивительно, что только в XV в., почти девятьсот лет спустя, в Западной Европе и Юго-Западной Руси вновь рождается именно религиозная идея братства.

В связи с присоединением Литовского государства к Польше в 1569 г. все земли будущей Юго-Западной России попали под влияние не только польской администрации,

но и католической церкви. Тогда и начался расцвет существовавшего уже столетие движения православных церковных братств. Практически каждый город и почти каждое селение рождало своё братство. И не всегда созданное братство имело благословение правящего архиепископа, ибо исторические обстоятельства просто не давали возможности его взять, в том числе и из-за отрицательного отношения к сохраняющим верность православию братчикам со стороны вполне допускавших религиозные компромиссы священников и даже епископов.

Историки, пытающиеся найти объяснение возникновению этого феномена, совершенно верно указывали на то, что православные очень тонко и умно использовали все возможности правовой системы Речи Посполитой, выраженной для городов и местечек в Магдебургском праве. По этому авторитетному кодексу городские мастера каждого значительного ремесла соединялись в цех, представлявший собой корпорацию с собственным уставом, казной и имуществом. Ремесленники одного цеха назывались братством. ...Гонимые православные проявляли удивительную гибкость и изворотливость, создавая братства шапочников, сапожников и золотников. Эти объединения были обыкновенным явлением в глазах польских королей, которые беспрепятственно давали грамоты на их учреждение.

Массовое возникновение православных братств на территории современных Украины и Белоруссии было вызвано историческими причинами, но духовный вектор их развития отражался в уставных документах, в которых учреждаемые братства именовались «братствами любви» и «братствами милосердия». Идеи защиты веры, церкви и православной культуры были теми основаниями, на которых возродились не просто социальные или профессиональные сообщества христиан, но принципы соборности, выборности епископата «с согласия мирских людей», равенства и церковной ответственности. Однако боязнь потери контроля над зарождавшимся широким церковным движением, стремление ограничить самостоятельность братств и в связи с этим переход социально значимых и образованных мирян (православной шляхты) в католичество постепенно привели к угасанию братской идеи, распаду движения и превращению братств в маргинальные структуры при храмах, типа «медовых союзов», главная задача которых заключалась в ритуальном употреблении мёда в дни христианских праздников.

Прежде чем перейти ко времени возрождения масонской организации братств, стоит сказать, что между началом XVIII в. и серединой XIX в., т. е. в период своеобразной братской «пустоты», три святых человека не только сохранили традицию братского общения, но способствовали появлению идеи «монастыря в миру», получившей своё воплощение в разных формах: странствующей братии, Дивеевской мельничной общине и народном движении бедняков. Речь идёт о святителях Тихоне Задонском, Паисии Величковском и Серафиме Саровском. Эти идеи позднее были подхвачены славянофилами и ценителями церковной соборности, особенно А.С. Хомяковым, а позднее Ф.М. Достоевским и далее архиепископом Иоанном Сан-Францисским (Шаховским).

Реально существовавшим православным братствам в первой половине XIX в. не повезло, ибо в 1837 г. был издан наказ полиции о запрете всех тайных обществ, в том числе (в одном ряду!) масонских лож и братств. Деятельность храмовых мирянских сообществ была низведена до уровня общих обедов и стояния на службе с собственными братскими свечами.

В середине же XIX в. вновь наблюдается возрождение интереса к братствам, вначале на западных территориях Российской империи, затем и повсеместно. Но интерес этот был вызван желанием русского правительства найти адекватные формы противодействия католическому влиянию на население западных окраин и польскому национальному сепаратизму. И 8 мая 1864 г. были приняты «Основные правила для учреждения православных церковных братств». По этому документу братства учреждались по благословению епархиального архиерея после согласования устава с губернским начальством. Задачи создаваемых братств практически везде были одинаковы: противодействие

иноверцам и раскольникам, строительство и украшение православных храмов, дела благотворительности, духовного просвещения. Новым было миссионерское направление, которое наиболее полно проявилось в деятельности братства святителя Гурия Казанского, учреждённого в 1867 году. По опубликованным данным, число учреждённых братств к 1917 г. составило более 700. Самым крупным из них было братство во имя св. князя Михаила Тверского, насчитывавшее более 10 тыс. членов. В составе этого огромного объединения были митрополиты, епископы, архимандриты, игумены, мастиные протоиереи, государственные сановники и губернские начальники. Однако «гора родила мышь», и деятельность братства свелась к печатанию брошюр и продаже церковной утвари.

...В развернувшейся в начале XX в. полемике, посвящённой церковному приходу, вновь зазвучал голос о необходимости возрождения братств как явления духовного. Кризис прихода, с его отсутствием живых личных отношений между священником и прихожанами, был очевиден для многих иерархов и церковных деятелей. Поразительно то, что большинство существующих к концу XIX в. братств не воспринимались как таковые даже в церкви, больше напоминая современные благотворительные фонды, состоящие из случайно собранных людей. Они имели братские хоругви, значки, духовников, склады и магазины, но братствами в сущностном смысле – не были. Поэтому вопрос о братствах вновь встал на повестку дня. Епископ Уфимский Христофор (Смирнов) в своей «Докладной записке о переустройстве церковного управления»* писал: «Пока не возлюбим братство в самом широком смысле как древнецерковную, из существа христианства вытекающую и существующую в Церкви вполне отвечающую жизненную форму, до тех пор никакие реформы не воскресят настоящую истинную жизнь Церкви, умирающую вместе с угасанием и умиранием в Церкви идеи братства во Христе, от которой теперь остался один лишь звук пустой, а впоследствии и этот звук замрет и исчезнет». Вот так и в таких выражениях была дана оценка полувекторной деятельности по возрождению формы, но не духа братской жизни**.

В этой истории поразительно ещё и то, что в Российской империи существовало настоящее братство, история которого столь удивительна, что заслуживает специального сообщения. Это Крестовоздвиженское Трудовое братство Н.Н. Неплюева, который считал, что истинное христианство состоит в возвращении к первоапостольскому идеалу церковности – жизни на основах братолюбия. И созданная христианская братская община – это не просто форма устройства, а плод рождения свыше и Дар Божий. Но пророческий голос мирянина («да кто он такой?») не был услышан церковным руководством и государственными мужами, несмотря на все имеющиеся благословения и даже факт утверждения устава братства лично императором, и не воспринят как дар свыше и путь спасения. Н.Н. Неплюев после своей смерти в 1908 г. стал «фигурой умолчания», но его Трудовое братство – явление уникальное в истории славянских народов – просуществовало, развиваясь (!) до 1929 г. и с трудом было уничтожено органами ОГПУ. Интересно, что Неплюевское братство, как и в раннехристианские времена гонений со стороны государства, также пыталось использовать существующую в СССР социально-классовую систему и одним из первых организовало колхоз. Но советские власти – это не римская администрация, и никаких законов, даже собственного сочинения, они не соблюдали...

Вопрос о братствах встал на Поместном Соборе 1917–1918 гг. в контексте организации миссионерской деятельности. Через свои решения Собор дал возможность организовать дело миссии на всех уровнях церковной жизни, сделать его сквозным и подчинить его интересам специальных учреждений, объединения и средства. Собором были предложены разные формы этой организации: миссионерские кружки, пункты, братства, общества, советы, союзы, съезды. Но всё-таки ключевым звеном миссионерской деятельности по-прежнему оставался приход, по-новому организованный, но приход.

Однако октябрьские события 1917 г. в Петрограде и Москве, начавшиеся гонения на Церковь резко изменили тон голоса церковного руководства и вектор организации церковного народа. Святейший патриарх Тихон весной 1918 г. обращается к ещё благодушствующим епископам и священникам: «Не теряйте же времени, собирайте вокруг себя стадо, по одному, по два, собирайте их на пастырские беседы. Отбирайте сначала лучших людей. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, советы – что найдёте полезным по местным условиям». И здесь можно говорить о неформальном, быстром, абсолютно живом, а не казённом явлении – возрождении, практически одновременно, и идеи, и формы. Цель проста – защита веры, церкви и свободы. Выполнить такую задачу формально – невозможно. И как по волшебству, появились десятки приходских,

межприходских, монастырских и просто неформальных православных братств, объединивших тысячи ранее не особо активных прихожан и просто неравнодушных к православной культуре людей.

Говоря о братствах, созданных по призыву св. патриарха Тихона, важно отметить одно обстоятельство: это почти полное отсутствие архивных документов. Мы не так много знаем о братском движении и до 1917 г., но советский период отмечен особенной немотой, которая связана с тем, что документы просто не передавались на хранение в государственные архивы, а прятались в подвалах и чердаках домов. Документы и пропадали вместе с носителями братской тайны. Поэтому примеры, говорящие о наличии братств в СССР, почерпнуты из документов частных архивов. Братства создавали епископы, священники и миряне, причём даже те, кто ранее относился к братскому движению достаточно сдержанно.

Так, в городе Дмитрове Московской области епископом Серафимом (Звездинским) в январе 1922 г. было создано братство Животворящего Креста Господня. Кроме устава, никаких иных документов о деятельности братства не сохранилось. Стоит несколько слов сказать о неформальном братстве Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, возглавляемом епископом Арсением (Жадановским), которое было создано во второй половине 1920-х гг. в Московской области из верующей интеллигенции, пришедшей в Церковь сознательно и в зрелом возрасте, несмотря на нарастающую волну гонений. Сохранился устав и записанные устные свидетельства братчиков, которые, сознавая сложность положения церкви в вопросе благословения со стороны священноначалия, проявляют инициативу в устройении братства и свидетельствуют, что этой инициативой «братство не противопоставляет себя официальной Церкви, но верит, что само является малой и неотделимой частью её единого Тела». Братчики считали «важным условием нормальной жизни ничего не бояться в мире, кроме греха, и быть готовым к страданиям за исповедание Господа нашего Иисуса Христа». В этих словах передан дух и смысл раннехристианского исповедания, когда, по словам Н.Н. Неплюева, «только люди, получившие крещение духа огнём любви, и могут быть элементами создающими в христианской церкви и христианском государстве».

Череповецкий епископ Макарий (Опоцкий) – ещё одно яркое, недавно обретенное имя в истории православных братств, – вернувшись из заключения, в 1928 г. организовал Трудовое братство, как у Н.Н. Неплюева, которого он лично знал и почитал как выдающегося православного мыслителя и деятеля церкви. По его мысли, «реальное братство есть потребность и добродетель всех достойнейших печальников обширной нашей родины – матушки Руси».

Хрестоматийной стала история организации Александрово-Невского братства из мирян в 1918 г. для защиты одноимённой лавры от большевистских безбожников. Уже через два года оно стало консолидирующей силой целого Союза православных братств Петроградской епархии, участвуя в создании философских кружков, церковных общин, тайных постригах и литургий. В 1932 г. органами ОГПУ многие братчики были арестованы и расстреляны; оставшиеся на свободе сохраняли общую жизнь в глубоком подполье.

Отдельные свидетельства подтверждают, что идея братства и её воплощение не умирала в советское время и во времена хрущёвских гонений, а потом брежневского застоя. Нам известно о братстве вятских христиан конца 1960-х – начала 1970-х гг., о совершенно братском устройении Спасо-Преображенской пустыньки в Латвии архимандрита Тавриона (Батозского), который 27 лет провёл в советских лагерях, создав из своей многочисленной паствы подлинную духовную, дружную и любящую семью, в центре которой стоял Христос. Трудно себе представить, но в летние месяцы число каждодневных причастников доходило до 150–200 человек, а число паломников исчислялось тысячами. Что же влекло сюда людей, где не было никаких святых и мощей, из разных уголков страны? Только существование открытой общины. И это в условиях слежки и всевозможных ограничений!

Всё послевоенное время, начиная с 1945 г., существовала и община исповедника веры архимандрита Сергия (Савельева), горячего сторонника возрождения общинной и братской жизни. Он говорил: «Я отрицательно отношусь к сегодняшнему состоянию церковной жизни, в которой всё, что угодно, только не созидание внутренней жизни христианина. Созидание её должно осуществляться в христианских общинах, и вопрос об этих общинах, о развитии их является основным вопросом жизни церкви».

* Входит в «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905 г.).

** Это утверждение вызвало на Сретенском соборе дискуссию: другими участниками встречи приводились разнообразные примеры неформального подхода к братской жизни в практике Российской церкви во второй половине XIX века.

Выступление С.С. Аверинцева

Сегодня не многие помнят Афанасьевские чтения, которые Преображенское братство и Московская Высшая православно-христианская школа (будущий Свято-Филаретовский институт) проводили в 1993 году. А Вам что больше всего запомнилось?

Священник Георгий Кочетков: Когда мы решили проводить Афанасьевские чтения, почти никто в России ещё не слышал о протопресв. Николае Афанасьеве. Помню, когда я брал благословение в епархии у епископа Истринского Арсения (тогда он ещё не был митрополитом) на конференцию, он спросил: «А кто это? Это батюшка?»

Благодаря отцу Виталию Боровому я ещё в 1970-х годах читал основной труд о. Николая «Церковь Духа Святого» (она тогда только что вышла в Париже, в «Имка-Пресс»). А ещё читал в то время эту книжку Саша Огородников, которому я дал её: он в неё впилился и не мог оторваться. Я нелегально сделал ксерокопию для будущей библиотеки института. Вспоминая о чтениях, это надо учитывать. Это сейчас о. Николай Афанасьев знаменит, а тогда, в 1993-м году, его действительно никто не знал в нашей стране. И поэтому наша конференция имела большое значение.

Из самой конференции мне больше всего запомнилось, во-первых, то, что приехал сын о. Николая – Анатолий Николаевич. Он впервые попал в Россию – он же уже родился в Париже – и вот в Москве опять канонада, и продолжается Гражданская война. Конечно, Анатолий Николаевич много рассказывал об отце. Во-вторых, не забыть самих событий тех дней: противостояния Белого дома Кремлю.

Ещё для меня лично важен был доклад, который я написал, – «Вера вне Церкви и проблема воцерковления». Я в то время ещё не знал, кто это думает на эти темы. Откуда я мог это знать? Да и почти никто здесь, в России, не мог тогда читать соответствующих статей отца Георгия Флоровского, как, впрочем, и других представителей парижской школы русского богословия. Поэтому некоторые мои тезисы потом вызвали

просто шок у тех, для кого Церковь – это только официальное учреждение, в лучшем случае (и то с большими допусками) каноническое. Многие православные считали совершенно фундаменталистскими, что границы церкви определяются лишь каноническим единством: те, кто официально находится в евхаристическом единстве, лишь те находятся внутри православия – вот только они и существуют в границах Христовой Церкви. А всё остальное – это спорная зона, или вообще даже беспорядная в смысле негатива, в смысле того, что это и не церковь вовсе. И католики, и протестанты – разве они церковь? А уж за пределами крещёного мира и вообще ни у кого никаких надежд нет... Но я к тому времени уже много лет читал «Вестник РСХД», и хотя бы различие – традиционное по духу, по смыслу со времён святых отцов – мистической (или, как говорил потом отец Георгий Флоровский, харизматической) церкви и церкви институциональной для меня существовало как что-то само собой разумеющееся. Церковь с большой буквы и церковь с малой буквы – это одно и то же и одновременно совсем не одно и то же. Но до этой простейшей диалектики люди не доходили. Я же так всегда думал и просто взял и описал этот свой опыт, оформил его ещё даже не антропологически, а просто экклезиологически. И этот доклад стал самым цитируемым текстом из всего сборника «Афанасьевские чтения».

Была ли какая-то реакция на Ваше выступление или на другие, были ли серьёзные, острые обсуждения?

Да, конечно. Это же была наша живая среда, это же был Владимирский собор бывшего Сретенского монастыря на Большой Лубянке, в некотором смысле центр мира, потому что это был центр каких-то известных исторических противостояний и противоречий. В то время мы надеялись, что советская власть рухнула безвозвратно, что время гонений на церковь прошло. Но, как потом оказалось, именно после обстрела Белого дома сразу начались гонения на наше братство: буквально в октябре 1993 года патриархом был подписан указ о моём смещении из Владимирского собора, открытого

Вспоминает А.М. Копировский: Моё самое яркое зрительное впечатление от Чтений: мы все сидим на лавочках в огромном соборе Сретения Владимирской иконы Божией Матери бывшего Сретенского монастыря, который тогда уже был наконец-то нами освобождён от организации, его занимавшей. Народу много, президиум сидит на солее справа сбоку, можно сказать, в углу храма. Храм большой, но икон ещё очень мало. За спиной президиума стоит написанная нашей сестрой Ефросиньей-Ларисой Галкиной большая икона Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Обстановка ещё неустроенная, очень простая, можно прямо сказать – бедная, но при этом очень живая и очень спокойная.

Конференция проходила в самый разгар правительственного кризиса

1993 года, в дни обстрела парламента. Выстрелы были слышны, особенно когда мы вышли из храма по окончании конференции. Но совершенно не было ощущения, что мы находимся где-то вне этого: закрыли глаза, закрыли уши и говорим о своём. Чтения были посвящены протопресвитеру Николаю Афанасьеву, его экклезиологии, и они были не просто воспоминанием. Отец Николай поднимал самые актуальные для церкви вопросы – Евхаристия, иерархия, роль мирян. Обо всём этом очень нужно было тогда говорить: церковь только-только приподнялась с колен, она только что освободилась. Поэтому было ощущение, что мы говорим о вещах не просто важных, а более важных, чем политическая борьба разных группировок. Да, в этой борьбе, к сожалению, гибли люди, но сами происходящие в Москве события

В то время в России почти никто не знал труды о. Николая Афанасьева

Начало на с. 1

Мы продолжаем публиковать материалы к 25-летию Преображенского братства. Сегодня это воспоминания участников о прошедших в четвёртый год жизни братства, осенью 1993 года, Афанасьевских чтениях

и обустроенного нашим братством, и «перевод» только во второй мой храм – Успения в Печатниках. Предлоги для моего «перевода» были, конечно, абсолютно искусственными, не имеющими отношения к жизни. Я думаю, что сам патриарх не пошёл бы на такое решение: вряд ли он был нами доволен, но и против нас он не был. Это решение ему «подказали» вполне определённые силы, стремящиеся, как и раньше, не допустить свободы и полноты церковной жизни.

Насколько сложно было в то время собрать такую конференцию?

Всё всегда сложно и всё всегда просто. Когда есть желание, всё можно. «Всё возможно верующему», говорит нам Писание. Вот мы и жили исключительно таким образом.

В проведении конференции участвовали те, кто работал в нашем Институте, который тогда назывался Высшей православно-христианской школой, и кто занимался катехизацией уже много лет. Это был довольно узкий круг, максимум человек сто. К нему присоединились и наши знакомые, такие как Александр Кырлежев и Сергей Бычков. Но самым главным было участие С.С. Аверинцева и отца Виталия Борового. Это были крупнейшие, центральные фигуры церковной жизни того времени. И мы очень хорошо вместе эту конференцию провели, о чём и свидетельствует весь сборник «Афанасьевские чтения». Мы тогда впервые смогли издать материалы нашей конференции, ещё на серой бумаге, как было заведено в те кризисные годы.

Конечно, большинство членов братства не могли тогда ответственно и активно участвовать в происходящем. Это были в основном новопосвящённые, новоцерковлённые люди, замечательные, но совершенно неопытные. И уж если главный секретарь патриарха, бывший его иподьякон, который прежде много лет возглавлял Учебный комитет МП, не слышал, как я выше уже говорил, ни о каком о. Николае Афанасьеве, то тем более люди, которые только-только воцерковились, ничего этого не знали, не понимали, не слышали, ни в чём толком участвовать ещё не могли. Но для всех важно было общение, проникновение в саму проблематику, попытка соотношения всего этого с реальной жизнью. Это было удивительное чудо Божье. Никто ничего не боялся, хотя совсем недалеко громыхали пушки и танки. Мы понимали, что вот там идёт внешняя война, а здесь – духовная брань и духовное созидание Церкви и России, что главная-то точка здесь, во Владимирском соборе бывшего Сретенского монастыря, а не у Белого дома. Что здесь творится история.

Михаил Андреевич, не могли бы Вы поделиться своими воспоминаниями об Афанасьевских чтениях?

Михаил Соллогуб, вице-председатель РСХД: У меня сохранились лишь очень смутные воспоминания, потому что это было очень давно, в 1993 году. Я чуть ли не первый раз приехал в Москву читать лекции, и отец Георгий пригласил меня на Афанасьевские чтения. Они проходили в церкви Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Я выступал после Анатолия Николаевича Афанасьева и рассказал, что о. Николай был учителем наших очень видных богословов – о. Александра Шмемана и о. Иоанна Мейендорфа – и что он сыграл огромную роль в становлении экклезиологии нашего Экзархата. Вокруг этой простой идеи и построилось моё выступление.

Сам я помню отца Николая очень бегло, потому что не принимал активного участия в жизни Сергиевского подворья. Я помню только, что хотя он читал лекции и был видным богословом, сам он служил утреннюю раннюю литургию на подворье в 8 или 9 утра. Возможно, из-за моего незнания его судьбы, непонимания, почему он так делал, это осталось для меня неким недоумением: он превозносил общение и встречу общины вокруг единой Евхаристии, а с другой стороны, сам не участвовал в этом общении...

Сохранились ли у вас общие воспоминания об атмосфере того времени?

Я был не первый раз в России, но первый раз приезжал в Россию после 1991 года. Было, конечно, очень волнительно, что конференция проходила именно в этом монастыре. Потом я приходил на литургию в Сретенский храм. Интересно было то, что там в те годы служили точно так, как мы служили в Париже в нашем новосозданном приходе Иоанна Богослова. Помню, незадолго до этого мы ходили с отцом Георгием по Парижу. Мы были близки по своим взглядам, и это тоже сыграло роль в сближении нашей общины, Иоанна Богослова, и Сретенской общины отца Георгия.

Беседовала Александра Колымагина

на улице. В этом смысле конференция не теряла своей темы, и она затронула всех присутствовавших.

Отец Георгий сказал в заключительном слове, что мы начали с проблем, поставленных о. Николаем Афанасьевым, и ими же закончили – но с прибылью. Мы говорили те же слова, но они приобрели вес и объём. Они стали живыми, стали нашими.

Окончание на с. 8

В то время в России почти никто не знал труды о. Николая Афанасьева

Начало на с. 1, 7

Те три дня, которые мы провели на конференции, действительно дали прибыль, духовный прирост. И когда мы после этого выходили и слышали разрывы, и что-то сверкало у Останкино, все понимали, что настоящее делается не там. И если церковь сможет раскрыть, явить миру свой бесконечный духовный и культурный потенциал, то эти кровь и разрушения не будут довлеть над всеми и приведшая к ним политическая суета станет никому не нужной.

Анатолий Николаевич Афанасьев и о. Франсуа Эве

Конечно, можно прочитать сборник материалов конференции. Но важнее, благодаря им, опять вспомнить остроту постановки церковных проблем и искать их разрешения с прибылью. Как сказал в своём выступлении тогда Сергей Сергеевич Аверинцев: проходить между Сциллой пессимизма и Харибдой оптимизма, между фундаментализмом и либерализмом и т. д.

Очень многое из того, что звучало тогда, актуально и сейчас. Тогда казалось, что мы – на пороге решения многих застарелых проблем, ощущение подъёма, свободы, силы, красоты христианского богословия коснётся многих. К сожалению, 1993-й год, как потом выяснилось, был последним годом церковной свободы. Воплощение того, о чём мы тогда думали, говорили, отодвинулось очень сильно. Но материалы Афанасьевских чтений в целом ничуть не устарели – именно потому, что почти никто из участников на себя не брал последнего суда по спорным проблемам. Мы пришли к выводу, что серьёзные вопросы поставлены. В этом и был, кстати, положительный итог конференции: мы ставим вопросы, глядя на них, вопросы обретают объёмность, и мы начинаем двигаться в тех направлениях, которые оказались наиболее живыми и актуальными. Экклезиология, прежде всего евхаристическая экклезиология, место мирян в церкви, миряне и клирики – всё это ощущалось как проблемы интересные, живые, совершенно не схоластические.

Впрочем, была и схоластика. Дьякон Андрей Кураев прочёл огромный, на 20 страниц, доклад, два в два превышавший по объёму самые большие выступления. Он представлял собой не очень внятный набор прекрасных цитат, всё, как оказалось, – ради элементарного идеологического вывода: «духовное причастие», предлагаемое екуменистами как объединяющее все конфессии, вместо обычного церковного, невозможно. Кому, для чего он это говорил?..

Бесценным было выступление сына о. Николая, Анатолия Николаевича. Он рассказывал об отце очень живые вещи, благодаря которым многое в жизни о. Николая становилось более понятным – как происходило его размышление над книгами, что и как у него получалось, что не получалось, с каким трудом приходилось печатать его рукописи (почерк у него был очень неразборчивым).

Хороши были доклады Всеволода Гусева и Александра Дормана о практике церковной жизни соответственно во Франции и США, показавшие, что там есть свои очень острые, иногда болезненные проблемы. Они нас настраивали, как я теперь вижу, на трезвую ноту: не надо думать, что где-то было всё хорошо, и всё здесь пойдёт так же, всё будет легко. При этом мы ощущали полное единство и взаимопонимание с теми, кто приехал из-за границы, с парижанами, прежде всего. Ведь у нас разный опыт, но проблемы, в общем-то, оказались одни и те же. Они, конечно, остаются и на сегодняшний день, они не решены, но это не значит, что надо хвататься за голову и говорить: «Какой ужас! Двадцать пять лет почти прошло, а всё так же осталось!» Нет, их надо решать, входя в их глубину, но постоянно деля при этом и определённые внешние шаги. Внешнее и внутреннее должно соответствовать.

Архивные фотографии на с. 1–8: Анатолий Мозгов († 2008)

Длительная катехизация: что препятствует ей сегодня

Начало на с. 1

Фрагменты ответов священнослужителей и мирян разных епархий Русской православной церкви на вопрос, какими они видят основные проблемы, возникающие при начале длительной катехизации. Опрос проводился в десяти епархиях.

Страхи и опасения

«Раньше (года три назад) у священников был страх: “У нас никто не будет креститься, резко упадут доходы, не с чего будет отчислять деньги в епархию”».

«У многих настоятелей, священников есть такой страх: с чего начать? как начать? Курсов или каких-то специальных методов преподавания именно как проводить катехизацию, как начинать, как собирать людей, к сожалению, у нас в епархии нет».

«Много всяких предрассудков, стереотипов, что это невозможно, это не получится, это ничего не изменит в жизни людей, что, конечно, не так».

«Люди изо всех сил стараются, но реально идут на длительное оглашение, реально в нём остаются и реально доходят до конца действительно единицы. В нашей епархии священники просто стали статистику потихоньку собирать и начали понимать, что если в храме в год 15 крещений, то через десять лет наша страна перестанет быть православной. Сейчас православие себя ощущает как доминирующая религия, подавляющая просто числом. Исходя из некоторой своей значимости и в том числе и массовости церковь строит отношения с государством, делает какие-то заявления в обществе. А длительная катехизация вдруг выявляет ситуацию полного несоответствия действительности этому представлению. В той или иной мере проблема некоторыми из священнослужителей так и осознаётся, что нужно полностью поменять взгляд на себя, свою роль в Церкви и в государстве и понять, что мы в меньшинстве. Ведь если даже считать членами церкви, например, тех, кто пришёл на Рождественские богослужения в России, то это только порядка 3 % населения. А ведь на Рождество приходят и люди, которые вообще два-три раза в год в церковь приходят и никакого Евангелия не читали. Так какая же это православная страна? Но пока будет желание во что бы то ни стало страну считать православной, невозможно никакое длительное оглашение – по крайней мере, нацеленное на то, чтобы крестить действительно верующих людей».

Неверие в человека

«Сами священники не верят, что человек может длительно оглашаться, что есть такие люди, которые могут действительно взять себя в руки, научиться вере, взять на себя какой-то продолжительный труд».

«У священников есть сомнения, что люди смогут пройти длительное оглашение, которое длится один год, полтора года, и это всё выдержать. Потому что оглашение они воспринимают скорее как обучение, а не как возможность поделиться своей верой».

Непонимание целей катехизации

«Понятие катехизации взрослого крещёного человека вызывает тогда вообще противоречивые и непонимание: зачем тогда вообще человек крестился, если нужно что-то ещё изучать, как-то духовно возрастая? В основном говорится о том, что надо просто приходиться в церковь, просто приходиться на литургию, и благодать сама будет действовать. Слава Богу, в последнее время от священников это слышится всё реже. Что-то стало меняться».

«Пока что существуют так называемые 2–3 собеседования перед началом крещения, а в некоторых храмах воскресные школы для взрослых, построенные по принципу лекций или курсов. Предполагается, что в этих школах люди могут при желании углублять (или приобретать) свою церковность. Проблема в том, что эти курсы догматики, литургики и т. п. – не то, с чего нужно начинать для знания церковного предания. И упускаются вещи более простые, но делающие людей церковными, приобщающие их к церковной традиции, к умению читать Писание, молиться, готовиться к таинствам. Поэтому есть люди, которые по десять лет живут на приходе, имеют горячую веру, прошли даже катехизаторские курсы – и при этом им очень трудно удержаться в Церкви, у них начинает дух угасать, они разочаровываются в церковной жизни и в своей жизни».

«Длительная катехизация нужна, если это не просто процесс “накачивания” людей какой-то информацией о христианстве, а процесс перерождения всей жизни, обновления человека, вхождения его в таинство просвещения. Вряд ли большинство священников именно так осознают задачу катехизации. А на просто продлённые курсы, где можно будет дать больше информации, нет необходимости тратить время. Зачем?»

«Как правило, люди приходят с определённым запросом, с определённой установкой: они хотят креститься и не очень хотят тратить время на какие-то разговоры, которые предваряют это крещение. И в нормальном случае катехизация должна быть рассчи-

тана не на тех людей, которые имеют узкопрактический запрос “покреститься и решить какие-то свои задачи”, а на людей, которые ищут основания жизни, любви, правды, света, добра. В их жизни есть тоска по этим ценностям. Они могут этого даже не осознавать и на каком-то этапе своей жизни даже не связывать, может быть, эти ценности с Богом и с Церковью, но они должны иметь этот внутренний импульс к восполнению своей жизни. А если человек вполне самодостаточный и “упакованный” просто приходит, чтобы “поставить ещё одну галочку”, как бы застраховаться “со стороны небесной крыши”, такому человеку нет смысла проходить длительную катехизацию».

«Иногда священникам непонятна сама цель катехизации, поэтому они не видят ни для себя пространства для того, чтоб больше как-то вкладываться в катехизацию, и не видят того, что люди без этого в Церкви остаются безучастными. С одной стороны, звучит мысль о том, что должна быть инициатива снизу, а с другой стороны, непонятно, каким должно быть применение этой инициативы. Представление о служении ограничивается исполнением приходских требований и участием в богослужении».

Проблемы вхождения новоцерковлённых в церковную жизнь

«Храм ныне не является центром жизни городка, деревни. Приходская жизнь была разрушена, общественные связи разрушены. Отношения на приходе строятся только через молитву. Нет отношений, основанием которых была бы общая вера и жизнь по этой вере. На оглашении же главным является то, что означают вера, Бог, Церковь для проходящих вместе оглашение людей».

«Если от епископа идёт понимание, что община должна быть общиной, то это получается, и приходская жизнь относительно благополучна. Но иногда община на приходе строится как “клуб”, и “новеньких” не пускают».

«Может быть, надо что-то в приходах корректировать, чтобы они были готовы принимать много новых людей?»

«Многие из тех, кто оглашался, не знают, к чему себя приложить. Когда много воцерковившихся, им не хватает пастырской заботы».

«Если у человека нет служения, если я всё время им руковожу, вопрос, завершена ли катехизация. Есть соблазн смотреть на неё как на источник комплектования штата прихода, епархиальных служб. А что делать, когда всё будет “укомплектовано”?»

«Иногда прихожане не хотят видеть новых людей. Важно оглашаемых приготовить к терпеливому вхождению в Церковь Божию».

«Большой проблемой становится, куда вести людей. Люди требуются везде, но они чувствуют этот “утилитарный”, потребительский подход и начинают теряться».

Другие проблемы

«Миссия сводится, как правило, только к приглашению в храм на богослужение».

«Превалирует понимание духовной жизни как “самоспасения” (“а других пусть Бог усмотрит”»).

«Есть люди, которые не хотят этим (длительной катехизацией. – *Ред.*) заниматься, потому что им просто не хочется в это вкладывать силы, время, нервы, ну и вообще это требует очень больших затрат, тем более, что хоть и даёт радость, не приносит “материальной отдачи”».

Пути решения проблем

«Церковная традиция, которая предполагает именно длительное оглашение, может раскрыться в нашей жизни тогда, когда мы правильно расставим приоритеты. Для того чтобы начать длительное оглашение, нужно очень многое настроить в жизни прихода, чтобы всё служило именно этому непростому делу. Сейчас люди, которые приходят, чтобы крестить своих детей, или сами хотят креститься, часто не имеют внутреннего запроса в углублении своей веры, в том, чтобы жить по вере, поэтому говорить с ними бывает очень сложно. Важно для церкви собирать людей, которые ищут именно углубления жизни. Нужно наладить, как бы нащупать какие-то пути, как к этим людям обращаться, как их собирать и каким словом, живым и адекватным именно их опыту, с ними говорить».

«Важно не противопоставлять друг другу разные формы церковной жизни (приход, монастырь, братство)».

«Длительная катехизация – это такое дело, которое требует вовлечения всей жизни человека и личного вдохновения. Это дело энтузиастов, его невозможно вести какими-то указами начальства. Другое дело, что не должно быть препятствий тем людям, которые хотят этим заниматься. Хотя бы этого уже, мне кажется, будет достаточно».

От составителей

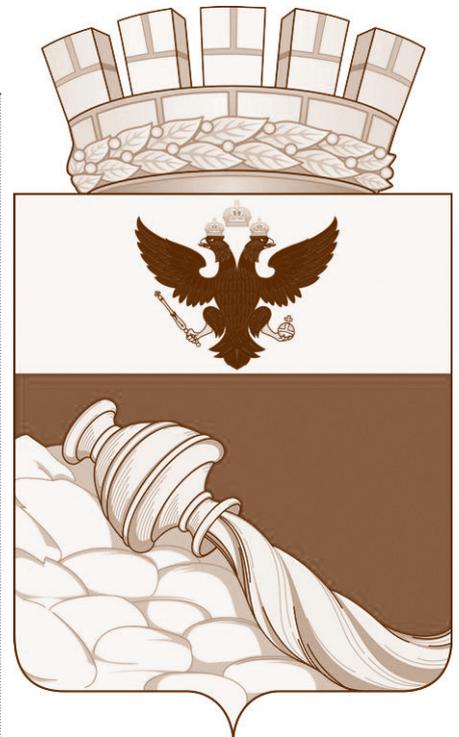
Материалы этого номера «Регионов» собраны двумя воронежскими православными братьями. Одно из них носит имя святителя Тихона Задонского (1724–1783), который с 1763 по 1767 год возглавлял Воронежскую епархию. В его жизни было немало лишений, болезней, непонимания, насмешек и притеснений. Пройдя через горнило этих испытаний, свт. Тихон обрёл бесценное сокровище подлинной христианской любви и евангельской жизни. Он оставил нам обширное письменное наследие, которое учит нас истинному христианству, преображающему все стороны жизни человека. Много наших современников (даже верующих и православных) не может поверить, что и в наше время можно жить по Евангелию.

Второе из братств взяло себе имя преподобного Силуана Афонского – одного из величайших святых XX века. Он родился недалеко от Воронежа – в селе Шовском. (Сейчас это

Липецкая область, а тогда это была Тамбовская губерния.) Духовный опыт преподобного Силуана совершенно уникален. Он сочетает в себе очень традиционный монашеский образ жизни и одновременно с этим необыкновенную открытость для мира. Он пишет, что христианин, сердце которого исполнено подлинным смирением, никогда не споткнётся на своём пути и найдёт благодатный выход любви. Любовь к Богу тождественна любви к другому человеку, она обретается благодаря дару Духа Святого. Критерием качества духовной жизни для преподобного Силуана была Любовь – к братьям, к врагам, ко всему творению, к каждому человеку. К этому призван каждый христианин.

Своими скромными трудами мы пытаемся продолжить дело наших небесных покровителей через духовное просвещение, начиная с самих себя, а затем, по мере сил, помогая другим.

Редакция регионального приложения
в Воронеже: Нина-Инна Ткаченко
и Юрий Крапивин

Герб Воронежа

«В Воронеже вообще меня ценили не по заслугам»

Памяти священномученика Иоанна Стеблин-Каменского

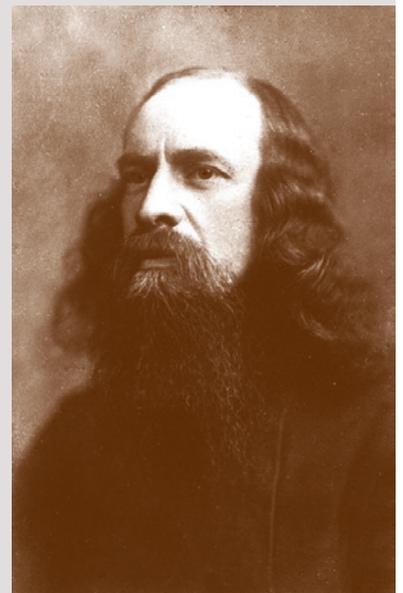
Среди воронежских новомучеников своей необычной судьбой выделяется священномученик Иоанн Стеблин-Каменский. Потомок аристократического рода, морской офицер в самый разгар советских гонений на церковь решает посвятить всю свою жизнь служению Богу и людям.

После десяти лет служения на флоте он уволился по болезни и в 1919–1921 годах по мобилизации служил помощником директора маяков Балтийского флота и одновременно исполнял должность псаломщика в Свято-Троицком храме в Петрограде. Именно в это время он бесповоротно решил стать священнослужителем. Благодатная поддержка, которую он ощутил, когда принял это решение, ясно дала почувствовать, что Господь его призывает и не оставит его в земных испытаниях.

В 1920 году он был рукоположен во диакона (целибатом) к Свято-Троицкому храму. Вскоре был арестован, некоторое время провёл в заключении. В 1923 году рукоположен во иерея, возведён в сан протоиерея и назначен настоятелем храма. Священный сан он принял в то время, когда многие люди в России стремились вообще скрыть свою принадлежность к Церкви, – в 1923 году.

В это время началось массовое возвращение храмов из обновленчества. Активизировалась жизнь приходов, организовывались братства. Верующие под руководством о. Иоанна стали собираться не только в храме, но и в

квартирах, где читались акафисты и Священное Писание, а священник объяснял одну или две главы из апостольских посланий. ОГПУ же стало всё сильнее вмешиваться в церковную жизнь: в Петрограде было арестовано около сорока человек духовенства и мирян. 2 февраля 1924 года по делу о «православных братствах» был арестован и о. Иоанн. Его обвинили в том, что он объединил вокруг себя православных. Вызванный на допрос о. Иоанн сказал, что служил в квартирах некоторых своих прихожан молебны, после которых гости пили чай, а ожидая, пока подадут, вели беседы на религиозные темы. Этого для властей оказалось достаточно. 26 сентября 1924 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило о. Иоанна к трём годам заключения на Соловки.

«В Воронеже вообще меня ценили не по заслугам»

Начало на с. 1

Памяти священномученика Иоанна Стеблин-Каменского

Когда 1 октября 1927 года он был освобождён, его отправили на три года в административную ссылку в Воронеж.

Здесь он получил место священника в Алексеевской церкви бывшего Покровского Девичьего монастыря, а через некоторое время был назначен её настоятелем и одним из благочинных Воронежской епархии; в марте 1929 г. после ареста правящего архиерея епископа Алексия (Буя) он фактически возглавил Воронежскую епархию. Благодаря его усилиям воронежскими прихожанами постоянно собирались и пересылались средства в Соловецкий лагерь архиепископу Воронежскому Петру (Звереву) и другим заключённым.

19 мая 1929 года о. Иоанн был арестован и 21 мая допрошен. На вопросы следователя отвечал с достоинством, добился разрешения собственноручно записать свой ответ: «Я по отношению к советской власти лоялен, но не сочувствую мероприятиям, направленным против религии. Считаю неправильным обучение детей в школах в противорелигиозном направлении... Для меня нет сомнения, что вера в распятого Христа непобедима, что кажущееся торжество материализма есть временное явление...»

4 июля 1929 года на о. Иоанна было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось, что священник занимался деятельностью, подрывающей авторитет и мощь советской власти. 16 августа 1929-го постановлением Особого совещания ОГПУ о. Иоанн был приговорён к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года, но 23 апреля 1930-го в Соловецкий лагерь поступило распоряжение о его повторном аресте и отправке в Воронежское ОГПУ. В начале мая о. Иоанн был доставлен в Воронежскую тюрьму: ему было предъявлено обвинение в агитации против всех мероприятий советской власти, с целью «подготовить верующую массу к выступлению против советской власти, свержению её и восстановление монархии». По приговору Коллегии ОГПУ о. Иоанн и с ним ещё 10 человек: архим. Тихон (Кречков), иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священники Сергей Гортинский, Феодор Яковлев, Александр Архангельский, Георгий Никитин и миряне Евфимий Гребенщиков и Пётр Вязников – были расстреляны в окрестностях Воронежа 2 августа 1930 года.

Десять человек из одиннадцати Архиепископальным собором 2000 года были причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

Из писем о. Иоанна своим духовным детям из тюрьмы и лагеря

«Надо ли мне каждого из вас называть по имени, чтобы вы знали, что всех вас и каждого в отдельности я ношу в своём сердце, вместе с вами скорблю, вместе с вами радуюсь? Или буквы и слова вам могут сказать больше, чем говорили и говорят вам ваши собственные сердца? Если за время моего служения в Воронеже и пребывания среди вас вы, вверенные мне Господом, не чувствовали, что ваша верность Ему для меня дороже собственной жизни, если вы этого не чувствовали, то, увы, ни это письмо, ни какое-либо другое вам этого не откроют. Но если воистину люблю вас любовью Христовой, если я отчасти утешаюсь вашей скорбью, так как она свидетельствует и о вашей ко мне любви, то ныне, расставаясь с вами, отдавая вас под Покров Усердной Заступнице Пречистой Владычице <...>, вручая вас самому Её несравненно больше меня вас любящему Сыну, – ныне хочется мне в последний раз со слезами просить вас: не унывайте никогда, не сомневайтесь в непрестающей любви к вам Начальника Жизни. Помните, что терпеливым перенесением скорбей мы как бы идём навстречу Сошедшему к нам с небес и крест нас ради Претерпевшему; откройте Ему ваши сердца, чтобы Он вошёл в них, чтобы Он вечерял с вами и вы с Ним».

«Не впускайте не только злобы, но и досады в сердца ваши, для этого прежде всего старайтесь жить в любви и мире друг с другом, взаимно прощая все обиды. Научитесь хотя под конец предавать самих себя и друг друга и всю свою жизнь Христу Богу. Сдерживайте себя в каждом слове, в каждой мысли. “Всякое дыхание да хвалит Господа...” Горите пред Господом, как чистые восковые свечи, и старайтесь, чтобы современный ветер не затушил ваш огонёк, старайтесь защищать его от дуновений мирских страстей и суесть – чтением слова Божия, особенно Евангелия и посланий апостольских на русском языке. Храните себя в чистоте, не лгите, не угождайте против совести человеку».

«Ищите Господа всем сердцем, и Он откроется вам радостно и светло. Ищите Господа, ведь Он недалеко от каждого из нас. Ищите Господа, – вы узнаете радость Его обретения. Сами познаете радость и меня сделаете участником этой радости. Не оставьте этих моих слов пустыми словами, дайте им место в ваших сердцах, ведь эти слова – часть моей души, пусть хоть эта частица

моей души останется жить в Воронеже, дайте ей жить в ваших сердцах, жить, а не умирать, братья и сёстры. Если вы скорбите о разлуке со мной, если вам больно думать, что, может быть, со временем мы станем чужими друг другу, то будьте особенно внимательны к своей духовной жизни, будьте верны Христу Распятому, и у подножия Его Креста вы, хочу верить, всегда найдёте меня, недостойного. Не отходите от Креста, и мы будем близкими друг другу во всё время нашей разлуки, как долго бы она ни тянулась. Будем вместе верить в спасительность крестных страданий и вместе узнаем радость Воскресения Христова во всём Его свете».

«Мне представляется, что всё человечество в целом, отдельный народ, братство или семья, иначе говоря, всякое объединение отдельных лиц не иначе воспринимает или исходит из себя добро и зло, как именно через составляющих его людей. Всякий человек, не сумевший оградить своё сердце от вторжения в него злобы, тем самым впускает этот яд в свою семью, в братство, в народ, во всё человечество; наоборот, христианин, возгревающий в своём сердце любовь, отверзающий двери сердца своего Господу, как бы впускает Его в семью, братство, народ, человечество. Пусть скорбь твоя о злобе мира и недостатке в нём любви не попустит тебе самому запачкаться этой злобой и утеснить ею любовь и в твоём сердце. Каждый смотри за той дверью, которая тебе вверена».

«За время своего пребывания на Соловках я почти ничего не читал, ничему не научился, многое забыл, во многом опустил, но Господь утешил меня именно тем, что мне, быть может, теперь особенно нужно. Я приобрёл полную покорность Его Воле и твёрдую уверенность в благой целесообразности всего совершающегося с нами. Это не значит, что мне не хочется домой и что я мало чувствую скорбь длительной разлуки со всеми мною любимыми, нет – мне просто стало понятно, что скорби не только могут сопутствовать христианину на его земном пути, но прямо являются естественными его спутниками».

«Ныне мне хочется в последний раз со слезами на глазах просить вас... Не отходите от Креста и мы будем близкими друг другу во время нашей разлуки, как долго бы она ни тянулась...»

«В Воронеже вообще меня ценили не по заслугам. Я часто себя чувствовал “золушкой” в золотой карете. Кому как не мне известно, что я действительно знаю, что я действительно читал, как я действительно трудился, как я в дей-

ствительности сам по себе заслуживаю того, что мне воздавали как служителю Вседержителя. Сам по себе я действительно золушка, но силою Божиею я действительно, как это мне самому ни удивительно, имею не только одежду, но и внутренний облик служителя Духа».

«Я готов сам терпеть побольше, лишь бы Он излил обильно Свою милость на тех, кого мне временно верил».

«Меня страшит не крестный путь, а наоборот, когда мне живется слишком хорошо, я все боюсь, уж не свернул ли я с тесного пути, ведущего к Жизни, и не попал ли на широкую дорогу, заманчивую лишь до времени».

Документы

Совершенно секретно

Областной административный отдел
Центрально-Черноземного областного
исполнительного комитета

№ 583/04 марта 1929

В Полномочное Представительство
ОГПУ в ЦЧО

По имеющимся непроверенным
сведениям, в доме № 4 по Введенской
ул. проживающий там священник
Иван, ставленник архиерея Зверева,

сосланного за контрреволюционные
действия, ведёт ожесточенную агита-
цию против Соввласти, и вообще в этом
доме замечается какая-то группировка,
о чём сообщается для сведения.

*Помощник Начальника гормилиции
по Уголовному розыску
Подкопаев*

АКТ

2 августа 1930 г., Мы, нижеподпи-
савшиеся, – Комендант ПП ОГПУ по
ЦЧО т. ПУЛЬХРОВ, Пом. Нач. Школы
11-го Ковполка т. КОВРИГА и сотруд-
ник ПП ОГПУ по ЦЧО т. БЕЛОТЕЛОВ –
составили настоящий акт в том, что на
основании постановления Коллегии
ОГПУ от 28 июля 1930 г. привели в ис-
полнение приговор ВМН (РАССТРЕЛ)
над следующими лицами:

1. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ Иван
Георгиевич, 1887 г.,
2. КРЕЧКОВ Тимофей (Тихон) Ульяно-
вич, 1862 г.,
3. ГОРТИНСКИЙ Сергей Дмитриевич,
1889 г.,
4. ЯКОВЛЕВ Федор Михайлович,
1897 г.,
5. АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Ни-
колаевич, 57 л.,

Фляценик Иван Стеблян-Каменский, 1924 г.

Фотография о. Иоанна из следственного дела

6. НИКИТИН Георгий Никитович,
1870 г.,
 7. ТЫМЧИШИН Марк Петрович,
1882 г.,
 8. ГРЕБЕНЩИКОВ Ефим Никифоро-
вич, 26 л.,
 9. ВЯЗНИКОВ Пётр Михайлович, 54 г.,
 10. ПОЖАРОВ Георгий Дмитриевич,
1886 г.,
 11. ВЯЗНИКОВ Козьма Трофимович,
1872 г.
- в 2 часа за г. Воронежем.

*Комендант ПП ОГПУ (Пульхров)
Пом. Нач. Школы (Коврига)
Надзиратель (Белотелов)*

Материал подготовили Татьяна Ануфриева и дьякон
Павел Строков

В Воронеже на площади читали Солженицына

В дни Великого поста вспоминается чтение глав романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которое состоялось в последние дни 2013 года на Никитинской площади Воронежа.

...Инициаторами чтения «Архипелага ГУЛАГ» выступили члены Преображенского содружества

малых православных братств – малое православное братство во имя святителя Тихона Задонского в Воронеже и архангелогородские православные братства. (В Архангельске чтение проходило в областной библиотеке имени Добролюбова.) Идею публичного чтения романа в Воронеже поддержали региональное отделение Союза российских писателей, историко-просветительское общество «Мемориал» и Воронежское культурно-историческое общество.

Стоит отметить, что буквально накануне культурно-просветительской акции «Читаем Солженицына» состоялось интервью, взятое Преображенским братством у Никиты Алексеевича Струве, где он подчеркнул актуальность подобного чтения, сказав, что в современной России «голос Солженицына должен звучать».

Чтение длилось непрерывно с 14 до 17 часов. Оно было организовано силами братства, но принять участие могли все желающие. Людей было не очень много. Все те, кто оставались и подходили к пространству перед стендами с анонсом мероприятия и портретом Солженицына, слушали

очень внимательно. Кто-то несколько минут, кто-то значительно дольше; несколько молодых людей, несмотря на небольшой, но всё-таки зимний холод, присутствовали на протяжении почти всего времени, пока длилось чтение.

Инициатива чтения именно Солженицына и конкретно данного произведения нашла открытое сочувствие у большинства слушателей. Некоторые из них читали роман и раньше. Но удивительное явление: произносимый вслух знакомый текст звучал ещё острее и выразительнее. Его смысл словно усиливался, прояснялся, открывалась его новая глубина.

В процессе подготовки к чтениям и перед самым началом периодически у некоторых людей возникали вопросы о целесообразности такой акции и выборе места, времени и даты. Например: уместно ли привлекать внимание воронежцев к книге о репрессиях накануне новогоднего праздника, не является сам роман «Архипелаг ГУЛАГ», а тем более его публичное чтение, «эстетизацией зла» и т. п.? Ответы на эти вопросы красноречиво и неоднократно даёт сам Александр Исаевич в своём великом романе, на каждом шагу призывающем к размышлению о достоинстве человека, о смысле жизни и ответственности за неё, о вере, о свободе...

Вот один из них, созвучный писательской и человеческой позиции Ф.М. Достоевского: «...Линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека... В течение жизни одного сердца эта линия перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру» («Архипелаг ГУЛАГ», глава «Голубые канты»). Задуматься об этом всегда своевременно, особенно сегодня, когда так важно преодолевать отчуждение между трагически разъединёнными людьми.

Из статьи Нины-Инны Ткаченко для сайта «Культура ВРН»

Учусь для того, чтобы Жить **Размышления председателя малого православного братства**

Вспоминаю школьные годы. Каждое 1 сентября я переживал смешанные чувства. С одной стороны – желание встретиться с одноклассниками, открыть новые учебники, тетрадки, стать на один класс старше. С другой – понимание, что вновь предстоит взойти на баррикады, где по одну сторону – ученики, а по другую – преподаватели.

До сих пор у большинства нынешних или бывших учащихся само обучение – в школе, в училище, в техникуме или в вузе – вызывает

обычно негативные переживания.

Но ведь должен быть ей, учебе, когда-нибудь конец! И не нужно будет больше делать ненавистные «домашки»... А наконец-то можно будет отдохнуть! И кто это сказал не подумав: «Век живи, век учись!» Мазохист какой-то, наверное...

А русский фольклор добавляет: «...а всё равно дураком помрёшь».

Но есть и другая версия продолжения, уходящая корнями в первую половину I века нашей эры: «Век учись тому, как следует жить».

Практически каждый, кто узнавал, что я учусь в СФИ (Свято-Филаретовский православно-христианский инсти-

тут), непременно предполагал: «Священником собираешься стать?» Судя по всему, учеба в христианском вузе ассоциируется исключительно со священнической деятельностью. А между строк читается ещё один вопрос: «У тебя ведь уже есть профессия? Или там больше платят?»

Обычно отвечаю так: «Учусь для того, чтобы Жить». Я заранее осознаю, что обречён на непонимание, поскольку эта фраза нуждается в продолжении. И я готов её продолжить, но только с теми, кому это действительно интересно. А вам интересно?

Жизнь – это полнота общения. Та самая, о которой Антуан де Сент-Экзюпери сказал, что это единственная настоящая роскошь. Но чтобы этой роскошью обладать (как бы ни меркантильно это звучало), необходимо опять-таки учиться, обретать опыт общения.

В СФИ этот процесс начинается с первых дней обучения. Невероятно, но с удивлением понимаешь, что здесь студент и преподаватель по одну сторону баррикады. На обратной стороне остались невежество и разобщённость. Во время обучения в СФИ идёт настоящая борьба за победу в твоём сердце – света над тьмой, Образа Божьего над без-образием. И порой непонятно, кто больше переживает за твой успех или неуспех: ты или преподаватель. Институт становится удивительным пространством обретения общей жизни. Здесь не каждый сам за себя. Здесь, как в песне, «нам нужна одна победа, одна на всех».

Алексей Евстигнеев

На кого похож Маленький принц

Воспитывать трёх детей не просто. А вдобавок к этому постоянно показывать подрастающему поколению пример христианской жизни – задача, кажется, совсем невыполнимая. Однако Ирина Косенко, мама трёх сыновей – Вани, Алёши и Пети, считает иначе...

Ирина, у тебя дети разных возрастов. Скажи, пожалуйста, удаётся ли молиться вместе? Какие особенности вашего молитвенного правила?

Мы стараемся всегда молиться в полном составе, даже если не успеваем помолиться дома (тогда мы молимся в любом месте, например, в парке). Главное, чтобы молитва была ежедневной, пусть даже короткой. Это очень важно для выработки у ребёнка «навыка» молиться своими словами. Петя (1 год и 10 месяцев) ещё маленький, я просто объясняю ему, что молитва – это особенное время, когда нужно вести себя тихо. С Алёшей (9 лет) тоже немного проблем, он пока ещё живёт родительской верой. А вот Ваня (15 лет) – другое дело. В этом возрасте дети начинают отвергать всё родительское, им особенно важно, чтобы общая молитва происходила с их согласия. И ещё: в особенных случаях мы можем помолиться дополнительно. Это очень сближает.

Любите ли вы читать вместе? Что вы читали в последнее время?

Не смотря на загруженность, мы стараемся выделять время на совместное чтение. Самое ценное, что при этом можно поднять разные вопросы, услышать мнение другого человека, задуматься самому. Нам нравится прочитать книгу, а потом посмотреть фильм по этому произведению. Или посмотреть фильм в братском киноклубе, а потом обсудить его с другими братьями и сёстрами. Из конкретных, всеми любимыми произведений могу назвать «Хроники Нарнии». Ваня любит читать «Властелина колец», даже цитирует эту книгу. Алёше очень понравился «Маленький принц», он говорит, что Принц похож на Христа.

Беседовала Ольга Барабанова

Добро пожаловать

Если в шутку задать вопрос «А что это вы тут делаете, а?», то в памяти всплывёт мальчик с сачком из детского фильма. Несколько раз за картину он подходит с этим вопросом к другим ребятам, пытаясь наладить общение. Само же название фильма – «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» – предлагает две реакции на его вопрос. Здесь уже слово за теми, у кого вопрошают. Каков будет их ответ и как он прозвучит?

Воронежские малые братства ответили на этот вопрос приглашением к духовному общению в блоге, открытом полтора года назад.

Из приватного верхнего поста

«Мы открываем эту страничку и приглашаем вас к общению. А точнее – к общению духовному. Это требует немалых внутренних усилий, от которых многие, к сожалению, отказываются. В этом случае можно пройти мимо сокровища, которое скрыто в каждом человеке».

Если коротко характеризовать блог – то он именно о наших сокровищах. На его страницах мы рассказываем о жемчужине братской жизни, о направлениях братских служений, о связанных с ними событиях в жизни епархии и города, о наших друзьях и многом другом. Часть сегодняшних «Регионов» – материалы нашего блога. Приглашаем заходить к нам по адресу bratstvo-stz.livejournal.com и знакомиться с другими страницами блога.